

Игра Эндера

Автор:

[Орсон Кард](#)

Игра Эндера

Орсон Скотт Кард

Эндер Виггин #1

Земная цивилизация под угрозой. Уже семь десятилетий человечество ведет безвыигрышную войну с чуждой инопланетной расой, и шансы на победу всё тают. Неужели нет никакой надежды и человечеству придется погибнуть? И такая надежда появляется. На Земле рождается гений, ребенок, которому суждено стать спасителем человечества. Имя его Эндрю Виггин, или Эндер, что значит победитель. «Игра Эндера» – абсолютный шедевр современной фантастики и редкий случай в истории жанра, когда роман завоевывает в один год две высшие фантастические награды – премии «Хьюго» и «Небьюла». То есть получает одновременно и читательское, и писательское признание.

Орсон Скотт Кард

Игра Эндера

ENDER'S GAME

by Orson Scott Card

© Е. Михайлик, перевод, 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Джеффри, который заставляет меня помнить, как юны и как стары могут быть дети

1. Третий

– Я смотрел его глазами, я слушал его ушами и говорю: он тот, кто нам нужен. Настолько близок к идеалу, насколько это вообще возможно.

– Ты говорил то же самое о его брате.

– Брат не прошел проверку, его использовать невозможно. По причинам, не имеющим ничего общего со способностями.

– Как и сестру. Да и этот вызывает сомнения. Слишком податлив. Слишком охотно подчиняется воле других людей.

– Если только эти люди – не враги.

– Так что нам делать? Следить, чтобы его все время окружали враги?

– Если потребуется.

– Кажется, ты говорил, тебе нравится этот парень?

- Если он попадет в лапы жукеров... По сравнению с ними я его любимый дядюшка.

- Ладно. В конце концов, мы спасаем мир. Забирай его.

Женщина-наблюдатель мило улыбнулась, взъерошила ему волосы и сказала:

- Эндрю, по-моему, тебе ужас как надоел этот жуткий монитор. Так вот, у меня хорошие новости. Сегодня ты с ним расстанешься. Мы просто вытащим его. Это будет не больно, ни капельки.

Эндер[1 - Искаженное имя Эндрю, а также существительное, означающее приблизительно «тот, кто заканчивает», «финалист».] кивнул. Конечно, это была ложь - про «ни капельки». Но поскольку взрослые вралы так всякий раз, когда собирались сделать ему по-настоящему больно, на данное утверждение можно было полагаться как на весьма точное описание ближайшего будущего. Иногда ложь говорит куда больше, чем правда.

- Так что ты, Эндер, просто подойди и сядь вот сюда, на стол для осмотра. Доктор выйдет к тебе через минуту.

Монитора больше нет. Эндер попробовал представить, каково это: на его шее больше нет маленького записывающего устройства.

«Я смогу кувыркаться на кровати, и он не будет давить. Я не почувствую, как он щекочет и нагревается, когда буду принимать душ.

И Питер перестанет ненавидеть меня. Приду домой, покажу ему, что монитора нет, и он увидит, что я тоже не прошел, снова стал обыкновенным мальчиком, совсем как он. И все сразу наладится. Он простит мне, что я носил монитор на целый год дольше его. И мы станем...

Наверное, не друзьями, нет. Питер слишком опасен, его так легко рассердить. Но братьями. Не врагами, не друзьями - братьями, которые живут в одном доме. Он перестанет ненавидеть меня, просто оставит в покое. И когда он снова захочет поиграть в жукеров и астронавтов, может, мне не придется

присоединяться к нему, я смогу просто уйти куда-нибудь читать книжку».

Но Эндер знал, что Питер все равно не оставит его в покое. Было что-то в глазах Питера, когда на него находило это сумасшедшее настроение... И, вспоминая этот взгляд, этот блеск, Эндер точно знал: уж чего-чего, а Питер его в покое не оставит. «Я учусь играть на пианино, Эндер. Пойдем, будешь переворачивать мне страницы. А-а, мальчик с монитором слишком занят, чтобы помочь своему братцу? Он что, слишком умный? Нет, нет. Не надо мне твоей помощи. Сам прекрасно справлюсь – слышишь, ты, урод мелкий, паршивый Третий!»

– Это будет быстро, Эндрю, – сказал доктор.

Эндер кивнул.

– Монитор специально сделан так, чтобы его легко было снять. Не причиняя боли, не внося инфекции. Правда, будет щекотно, а еще некоторые люди говорят, что их потом преследует чувство, будто что-то пропало. Ты все ищешь что-то, очень хочешь найти, но не можешь и даже не помнишь, что именно ты потерял. Так вот, я скажу тебе что: ты ищешь монитор. А его уже нет. Но через несколько дней это чувство пройдет.

Доктор выкручивал что-то на загравке Эндера. И вдруг боль, как раскаленная игла, пронзила его от шеи до самого паха. Эндер почувствовал, как судорога сводит спину, как тело резко выгибается назад, – и ударился головой о стол. Он чувствовал, как ноги его бьются в воздухе, а руки сцеплены и до боли выкручивают друг друга, выгибаются арками.

– Диди! – позвал доктор. – Ты мне нужна!

Задыхаясь, вбежала сестра.

– Нужно как-то расслабить мышцы. Ко мне, быстро! Чего ты там копаешься?!

Они что-то передали друг другу – Эндер не видел что. Он рванулся в сторону и свалился со стола.

– Держите его! – выкрикнула сестра.

- Просто зафиксируй его...

- Я не смогу, доктор, он слишком силен...

- Да не вводи все сразу! У него же сердце остановится!

Эндер ощутил, как в шею, чуть выше воротника рубашки, вонзилась игла. Лекарство жгло, но всюду, куда доходил этот огонь, сведенные мышцы постепенно расслаблялись. Теперь он наконец смог заплакать от боли и страха.

- Эндрю, ты в порядке? - спросила сестра.

Эндрю не мог говорить, не помнил, как это делается. Его снова положили на стол, проверили пульс, сделали еще что-то - он плохо соображал, что происходит.

Руки доктора тряслись. Когда он заговорил, его голос тоже дрожал:

- Заставляют ребенка носить эту штуку три года - так чего ж еще ждать?! Мы могли просто выключить его, понимаешь? Взять и выключить. Навсегда отсоединить его мозг.

- Сколько будет действовать наркотик? - спросила сестра.

- Пусть лежит здесь по меньшей мере час. Смотри за ним. Если через пятнадцать минут он все еще не сможет говорить, позовешь меня. Мы ведь и в самом деле могли отключить его. Я не жукер, я не могу предусмотреть все.

Он вернулся в класс к мисс Памфри за пятнадцать минут до звонка. Он все еще не очень твердо держался на ногах.

- Ты хорошо себя чувствуешь, Эндрю? - спросила мисс Памфри.

Он кивнул.

- Тебе было плохо?

Он покачал головой.

- Выглядишь ты неважно.

- Я в порядке.

- Тебе лучше сесть, Эндрю.

Он двинулся к своему месту, но через пару шагов остановился. «Что такое? Что я вообще ищущ?» Он никак не мог вспомнить.

- Твое место вон там, - подсказала мисс Памфри.

Он сел, но это было не совсем то, он искал что-то другое. Ладно, потом отыщется.

- Твой монитор, - прошептала девочка за его спиной.

Эндер пожал плечами.

- Его монитор, - шепнула она остальным.

Эндер поднял руку и ощупал шею. Там был пластырь. И больше ничего. Монитора нет. Теперь он такой, как все.

- Что, Энди, выперли тебя? - спросил мальчик, который сидел чуть впереди в соседнем ряду.

Он не мог вспомнить его имя. Питер? Нет, кто-то другой.

- Тише, мистер Стилсон, - сказала мисс Памфри.

Стилсон ухмыльнулся.

Мисс Памфри рассказывала об умножении. Эндер баловался со своим компом: рисовал контуры гористых островов, а затем приказывал компу выдать трехмерное изображение – во всех ракурсах. Учительница, наверное, заметит, что он совсем не слушает ее, но вряд ли станет его беспокоить. Он всегда знал ответ, даже в тех случаях, когда ей казалось, что он не слушает ее.

В углу компа появилось слово и, маршируя, двинулось по периметру экрана. Сначала оно было перевернуто и написано справа налево, но Эндер сумел прочесть его, прежде чем оно добралось до нижнего края экрана и встало как положено:

Третий.

Эндер улыбнулся. Это он придумал, как посылать сообщения с экрана на экран и заставлять их маршировать, и, когда его тайные враги прибегали к этому методу, чтобы в очередной раз обозвать его, тем самым в действительности они его хвалили. И вообще, он не виноват, что родился Третьим. Идея принадлежала правительству, это они дали официальное добро – иначе как бы Третий навряд Эндера попал в школу? А теперь еще и монитор сняли. Эксперимент с кодовым названием «Эндрю Виггин» провалился. Будь у них такая возможность, они отменили бы постановление, разрешившее ему появиться на свет. Никаких сомнений. Эксперимент провалился – сотрите файл.

Прозвенел звонок. Ребята выключали компы или лихорадочно допечатывали себе напоминания на следующий день. Кто-то по Сети переписывал задания в свои домашние компьютеры. Парочка крутилась у принтера, ожидая, когда машина отпечатает нечто крайне важное для них. Эндер протянул руки над маленькой детской клавиатурой у края компа и подумал: а каково это – иметь большие руки, как у взрослого? Они должны быть такими неуклюжими, с толстыми неловкими пальцами, с мясистыми ладонями. Конечно, у взрослых и клавиатура побольше, но разве могут их толстые пальцы провести настолько правильную линию, какая получалась у Эндера, – тонкую точную линию, спираль в семьдесят девять витков от центра до края компа, и чтобы ни один завиток не перекрывал другого! Да, ему было чем заняться, пока учительница нудила про свою арифметику. Арифметика! Валентина научила его арифметике, когда ему было три года.

- У тебя все в порядке, Эндрю?

- Да, мэм.

- Ты опоздаешь на автобус.

Эндер кивнул и встал. Все ребята уже ушли. Но его будут ждать те, плохие. У него на шее уже не было монитора, который видел все, что он видел, и слышал все, что слышал он. Теперь они могут говорить что хотят. Могут даже ударить его – их больше никто не увидит, а значит, никто не придет на помощь Эндеру. У монитора были свои преимущества, ему будет их не хватать.

Конечно, заводилой оказался Стилсон. Он был не крупнее большинства, но больше Эндера. И его окружали подпевалы. Он никогда не ходил один.

- Эй, Третий.

«Не отвечай. Тебе нечего сказать».

- Эй, Третий, мы к тебе обращаемся. Третий, подстилка жуков, с тобой разговаривают!

«Не могу придумать ответа. Что бы я ни сказал, это разозлит их еще больше. Ничего не скажу».

- Эй, Третий, эй, сопля, тебя вышибли оттуда, да? Думал, ты лучше нас, но потерял свою маленькую птичку, а вместо этого получил пластырь на шею?

- Вы пропустите меня или нет? – спросил Эндер.

- Мы пропустим его или нет? А что, должны? – Они просто покатывались со смеху. – Да, конечно, мы тебя пропустим. Сначала мы пропустим твою руку, потом задницу, потом, наверное, колено.

- Потерял свою пташку, Третий, потерял свою милашку, Третий, – распевали остальные.

Стилсон толкнул Эндера пятерней, а потом кто-то сзади пихнул его навстречу Стилсону.

- Туда-сюда-обратно! - выкрикнул кто-то.

- Теннис.

- Пинг-понг.

Все это добром не кончится, понял Эндер, и лучше, если не повезет кому-нибудь другому. Поэтому, когда Стилсон протянул руку, чтобы снова его толкнуть, он попытался схватить противника. Но промахнулся.

- Ух ты! Ты что, хочешь драться со мной? Хочешь драться, Тройка несчастная?

Стоявшие сзади схватили Эндера за плечи и крепко сжали.

Эндеру было вовсе не до смеха, но он все же рассмеялся:

- Тебе нужно столько помощников, чтобы побить одного Третьего?

- Мы люди, а не Третьи, жабыя рожа. У тебя не хватит силенок даже пукнуть по-настоящему.

Однако они отпустили его. В ту же минуту Эндер поднял ногу как можно выше и ударил что было силы. Он попал Стилсону прямо в грудь. Тот упал. Эндер даже растерялся, так как не рассчитывал сбить противника с ног одним ударом. Ему не пришло в голову, что тот не принимал драку всерьез и не был готов к настоящему отчаянному отпору.

На мгновение остальные расступились. Стилсон лежал не двигаясь, и его дружки, наверное, гадали, уж не умер ли он. А Эндер тем временем лихорадочно соображал, как предотвратить их месть. Они ведь снова встретят его завтра всей бандой.

«Я должен победить сейчас - раз и навсегда. Или придется драться с ними каждый день, и тогда мне не поздоровится».

Эндер в свои шесть лет уже знал неписанные законы ведения войны, знал, как должен вести себя мужчина. Нельзя бить беспомощного, лежащего на земле противника. Так поступают только звери.

Но все же он подошел к неподвижному врагу и ударил его снова, ногой под ребра. Стилсон застонал и откатился в сторону. Эндер снова подошел и снова ударил его ногой – в промежность. Теперь Стилсон не мог даже стонать, он свернулся клубком, слезы градом катились из глаз.

Эндер холодно оглядел остальных:

– Собираетесь напасть все разом? Вместе вы, наверное, здорово меня побьете. Но вы должны помнить, как я поступаю с людьми, которые пытаются сделать мне больно. После того как вы меня побьете, вам останется только гадать, как именно я доберусь до каждого из вас и что из этого выйдет. – Он пнул Стилсона в лицо. Кровь из носа веером брызнула на пол. – Это будет не так, – сказал он. – Это будет хуже.

Эндер повернулся и пошел прочь. Никто не преследовал его. Он свернул за угол, в коридор, ведущий к автобусной остановке, успев при этом услышать чей-то шепот за спиной:

– Черт, ты посмотри, он весь белый...

Затем Эндер уперся головой в стену коридора и плакал, пока не пришел автобус.

«Я совсем как Питер. Стоило забрать у меня монитор, и я стал совсем как Питер».

2. Питер

– Итак, все закончилось. Как его дела?

– Когда живешь в чьем-то теле несколько лет, привыкаешь к нему. А теперь я смотрю на его лицо и не понимаю, что происходит там, внутри. Я не умею распознавать его чувства по выражению лица, я привык ощущать их.

– Кончай, мы здесь не о психоанализе толкуем. Мы солдаты, а не экстрасенсы. Ты только что видел, как он вышиб дух из вожака этой шайки.

– Он действовал очень обстоятельно. Не просто побил его, он его разбил. Как Мэйзер Рэкхем в бою при...

– Знаю, знаю. То есть, по мнению комитета, он нам подходит.

– В основном. Надо еще посмотреть, как он будет разбираться со своим братом теперь, когда у него нет монитора.

– С братом? А ты не боишься того, что его брат может сделать с ним?

– Ты сам говорил, что в этом деле мы не имеем права рисковать.

– Я снова просмотрел несколько старых записей. Ничего не могу с собой поделаться – мне нравится этот парень. Боюсь, мы изуродуем его.

– Конечно. Это и есть наша работа. Мы злые ведьмы. Заманиваем детишек пряниками, а потом суем гаденышей в печку.

– Эндер, даже не знаю, что и сказать... – прошептала Валентина, глядя на пластырь на его шее.

Эндер легко коснулся стены, и дверь бесшумно закрылась за его спиной.

– Ерунда. Я рад, что его больше нет.

– Чего нет? – Питер вышел в прихожую, дожевывая кусок хлеба с ореховым маслом.

Для Эндера Питер не был высоким, красивым десятилетним мальчиком, каким его видели взрослые, мальчиком с густыми темными спутанными волосами и лицом, которое могло бы принадлежать Александру Великому. Эндер смотрел на Питера только для того, чтобы вовремя заметить злобу или скуку – опасные настроения, которые почти всегда означали боль. Как только Питер увидел пластырь, в глазах его вспыхнул многозначительный яростный огонек.

Валентина тоже заметила это.

– Теперь он такой, как мы, – сказала она, пытаюсь смягчить брата, прежде чем он ударит.

Но Питера уже было не остановить.

– Как мы? Он таскал эту коробку до шести лет. Когда у тебя забрали твою? В три. Я потерял свою, еще и пяти не исполнилось. А этот гаденыш почти добился своего! Мелкий жукер!

«Хорошо, Питер, хорошо, – подумал Эндер. – Выговорись. Лучше слова, чем кое-что другое».

– Ну, теперь-то твои ангелы-хранители не следят за тобой, – сказал Питер. – Теперь им неоткуда узнать, как ты себя чувствуешь, не больно ли тебе. Они не подслушают, что я говорю, не увидят, что я с тобой делаю. А? Как считаешь?

Эндер пожал плечами.

Вдруг Питер улыбнулся и хлопнул в ладоши, изображая хорошее настроение.

– А давай поиграем в жукеров и астронавтов, – предложил он.

– Где мама? – спросила Валентина.

– Ушла, – сообщил Питер. – Я за старшего.

– Пожалуй, я позову папу.

- Зови сколько влезет. Ты же знаешь, его никогда нет дома.

- Давай, - согласился Эндер. - Давай сыграем.

- Ты будешь жукером, - предупредил Питер.

- Дай ему хоть раз побыть астронавтом, - попросила Валентина.

- Не суй свою толстую рожу не в свои дела, дурища! - огрызнулся Питер. - А ты иди наверх и выбери оружие.

Это будет нехорошая игра. И Эндер догадывался, что выиграть ему не удастся. Дети частенько играли в эту игру в коридорах, причем большими компаниями, и жукары никогда не побеждали. А еще порой игра становилась жестокой. Но здесь, в квартире, она будет жестокой с самого начала, а этот жукары не мог исчезнуть, испариться, как это делали настоящие жукары в настоящих войнах. Ему оставалось только ждать, пока астронавт не закончит игру.

Питер открыл нижний ящик своего шкафа и вытащил маску жукары. Мама очень расстроилась, когда Питер купил ее. Но встрял папа: мол, оттого, что мы спрячем все маски жукаров и запретим детям стрелять из игрушечных лазерных ружей, война не прекратится. Лучше пусть тренируются, тогда, может, сумеют выжить, когда жукары вернутся.

«Но сначала мне нужно выжить в этой игре, - подумал Эндер и надел маску, которая, будто огромная ладонь, обхватила его лицо. - Интересно, а что ощущают жукары? Они ведь не носят маски, у них просто такие лица. Там, у себя дома, в своих мирах, они надевают нашу маску, чтобы поиграть? А как они называют нас? Слизняками, потому что по сравнению с ними мы такие мягкие, такие маслянистые?..»

- Ну, держись, слизняк! - выкрикнул Эндер.

Он едва видел Питера через дырки для глаз.

- Слизняк, значит? - улыбнулся Питер. - Что ж, жукары-крукер, сейчас посмотрим, как я разобью твою рожу.

Эндер не видел атаки, только понял, что Питер скользнул куда-то в сторону. Маска лишала его периферийного обзора. А потом вдруг появилась боль – его резко ударили по голове сбоку. Он потерял равновесие и упал.

– Плохо видишь, да, жукер? – рассмеялся Питер.

Эндер начал стаскивать маску. Питер поставил ногу на его промежность.

– Не смей! – приказал он.

Эндер снова натянул маску и убрал руки.

Питер надавил. Боль пронзила Эндера насквозь, и он согнулся пополам.

– Лежи ровно, жукер. Проведем-ка мы над тобой вивисекцию. Наконец-то мы взяли одного из вас живым и теперь хотим узнать, как вы устроены.

– Питер, перестань, – попросил Эндер.

– «Питер, перестань...» Прекрасненько. Значит, вы, жукары, умеете угадывать наши имена. Прикидываетесь милыми несчастными детишками, чтобы мы вас полюбили, пожалели. Но это не сработает. Я знаю, кто ты такой на самом деле. Из тебя пытались вырастить человека, Третий, но на самом деле ты жукер, и теперь это видно всем.

Он убрал ногу, шагнул вперед и наклонился над братом, уперся коленом ему в живот как раз под ребрами и начал давить всем телом, сильнее и сильнее. Эндеру стало трудно дышать.

– Я могу убить тебя, – прошептал Питер. – Буду давить и давить, пока ты не умрешь. А потом прикинусь, что ничего не знал, не понимал, больно ли тебе, ведь мы просто играли, и мне поверят, и все будет в порядке. А ты умрешь. Да, все выйдет просто замечательно.

Эндер не мог говорить: в легких почти не было воздуха. Питер вполне способен на такое. Сейчас он может шутить, но в следующую секунду перейдет от слов к делу.

– Я так и сделаю, – пообещал Питер. – Что бы ты там ни думал, я абсолютно серьезен. Тебя разрешили только потому, что я им понравился. Но я не подошел. А ты был лучше. Они думали, что ты лучше. Но мне не нужен младший брат, который лучше меня. Обойдемся без всяких там Третьих.

– Я все расскажу, – вмешалась Валентина.

– Никто тебе не поверит.

– Поверят.

– Тогда ты тоже, считай, мертва, моя милая младшая сестричка.

– О да, – усмехнулась Валентина. – Этому обязательно поверят. «Я никак не думал, что это убьет Эндрю. А когда он умер, никак не думал, что это убьет и Валентину тоже».

Давление уменьшилось.

– Хорошо. Не сегодня. Вы не всегда будете вместе. Тогда-то и случится несчастный случай.

– Врешь! – выкрикнула Валентина. – Ты не сделаешь ничего подобного!

– Не сделаю?

– И знаешь почему? – спросила она. – Ты мечтаешь со временем войти в правительство, хочешь, чтобы тебя туда избрали. Но что, если твои противники вызнают про твоих брата и сестру, которые погибли при подозрительных обстоятельствах, когда были совсем маленькими? А они это обязательно вызнают, потому что я написала письмо и оставила в городской библиотеке в своем секретном файле, который откроют в случае моей смерти.

– Дешевый блеф, – фыркнул Питер. – Не держи меня за дурака.

– Я умерла не естественной смертью, сказано там. Питер убил меня, и если он еще не убил Эндрю, то скоро это сделает. Этого недостаточно для судебного приговора, но вполне хватит для полного провала на выборах.

– Значит, теперь ты его монитор, – догадался Питер. – Что ж, хорошенько следи за ним – и днем и ночью. Никогда не оставляй одного.

– Мы с Эндером не дураки. Наши результаты не хуже твоих. А кое в чем даже лучше. Все мы невероятно одаренные чудо-детишки. Но ты не самый умный из нас, Питер, ты просто самый большой.

– О, я знаю. Но придет день, когда ты закрутишься в своих делах, забудешь обо всем – и он останется один. И ты вдруг вспомнишь, кинешься к нему, а он тут как тут, цел и невредим. В следующий раз ты уже не будешь так беспокоиться и прибежишь не так быстро. И каждый раз он будет жив и здоров. И тогда ты решишь, что я все забыл. Пройдут годы. А потом произойдет ужасный несчастный случай, и я найду его тело и буду горько рыдать над ним. Ты, конечно, вспомнишь этот наш разговор, Вэлли, но тут же тебе станет стыдно, ведь ты будешь уверена, что я изменился, что это и в самом деле несчастный случай и что будет очень жестоко напоминать мне слова, которые я сгоряча выпалил однажды в детской ссоре. Только все это будет правдой. Я сделаю это, и он умрет, и ты мне не помешаешь, ты ничего не сможешь сделать. Так что продолжай утешать себя, будто бы я просто самый большой из вас.

– Большого дерьма, чем ты, я и правда не видела, – поморщилась Валентина.

Питер вскочил на ноги и прыгнул на нее. Она увернулась. Эндер сорвал маску. Питер шлепнулся на свою кровать и захохотал. Громко, но с настоящим чувством, аж слезы брызнули из глаз.

– Ну, вы, ребята, какие же вы олухи, самые большие простаки на этой планете!

– Сейчас он скажет, что просто пошутил, – пожала плечами Валентина.

– Это не шутка – игра! Я могу заставить вас, ребята, поверить во что угодно. Могу управлять вами, как марионетками. – Голосом сказочного чудовища он прорычал: – Я убью вас, порублю на мелкие кусочки и закопаю в мусорной яме! – Он снова засмеялся. – Самые большие простаки во всей Солнечной системе.

Эндер стоял, смотрел, как он смеется, и думал о Стилсоне, о том чувстве, которое сам испытывал, когда нога врезалась в его тело. Вот кого следовало так отделать. Вот кто действительно этого заслужил.

- Нет, Эндер, - прошептала Валентина, как будто прочитав его мысли.

Питер вдруг перекатился на бок, слетел с кровати и встал в стойку.

- О да, Эндер, - пропел он. - В любое время, Эндер.

Эндер поднял правую ногу, снял ботинок, перевернул его:

- Посмотри сюда, на носок. Это кровь, Питер.

- Ох-ох! Я сейчас умру, мне конец. Эндер раздавил гусеницу и теперь собирается раздавить меня.

Ничто не могло его пронять. Питер был убийцей в душе, и никто не знал об этом, кроме Валентины и Эндера.

Мать вернулась домой и вместе с Эндером оплакала потерю монитора. Отец, вернувшись домой, весь вечер радовался: ну надо же какой прекрасный сюрприз, у них такие замечательные дети, что правительство разрешило им иметь аж троих сразу, - и более того, все останутся в семье, никого не заберут, даже Третьего... Эндер с трудом сдерживался, чтобы не заорать на него: «Да, я знаю, что я Третий, знаю, и, если хотите, я уйду, чтобы вам не было так неловко перед всеми, пожалуйста, простите, что я лишился монитора, что теперь у вас трое детей и нет очевидного объяснения, - вам ведь так неудобно, простите, простите, простите...»

Он лежал на кровати и смотрел вверх, в темноту. Он слышал, как на матрасе над ним беспокойно ворочается Питер. Потом Питер соскользнул со своего второго этажа и вышел из комнаты. Эндер уловил журчащий звук сливаемой воды, потом силуэт Питера появился в дверном проеме.

«Он думает, что я сплю. Хочет убить меня».

Питер подошел к кровати и, конечно, не полез по лестнице к себе наверх. Вместо этого он сделал еще шаг и остановился около Эндера.

Но он вовсе не потянулся за подушкой, чтобы задушить брата. И никакого оружия у него не было.

- Эндер, ты извини меня, пожалуйста, - прошептал он. - Я знаю, каково это, пожалуйста, прости, я твой брат, и я люблю тебя.

Много позже ровное дыхание Питера сообщило о том, что он наконец заснул. Тогда Эндер сорвал с шеи пластырь. И - во второй раз за сегодня - заплакал.

3. Графф

- Сестра - наше слабое звено. Он ее по-настоящему любит.

- Знаю. Она может испортить все. Он просто не захочет оставлять ее.

- И что же делать?

- Надо убедить его, что пойти с нами он хочет больше, чем оставаться с ней.

- А как ты это сделаешь?

- Солгу ему.

- А если не сработает?

- Расскажу правду. В экстренных случаях нам это разрешено. Мы ведь не можем все спланировать наперед, ты же знаешь.

Завтракал Эндер вяло. Все прикидывал, что его ждет в школе. Как они встретятся со Стилсоном после вчерашней драки. Что будут делать Стилсоновы дружки. Наверное, ничего. Но если бы знать точно! Идти в школу не хотелось.

- Ты не ешь, Эндрю, - заметила мать.

В столовую вошел Питер:

- Доброе утро, Эндер. Спасибо, что оставил свою намыленную мочалку прямо посреди душевой.

- Только ради тебя, - пробурчал Эндер.

- Эндрю, ты должен что-нибудь съесть.

Эндер протянул вперед руки, сомкнутые в запястьях. Жест означал: вам придется кормить меня внутривенно.

- Очень смешно, - сказала мать. - Я пытаюсь как лучше, но мои гениальные детки плевать на это хотели.

- Это твои гены сделали нас гениями, мам, - вмешался Питер. - От папы мы ничего такого унаследовать не могли.

- Я все слышу, - отозвался отец, не поднимая головы от сводки новостей, которую стол, как обычно, показывал за завтраком.

- Шутка не сработала бы, если б ты не слышал.

Стол загудел: кто-то пришел.

- Кто это? - спросила мать.

Отец нажал клавишу, и на видеоэкране появился человек. Он был одет в военную форму, в единственную форму, которая еще что-то значила, - в комбинезон МФ, Международного флота.

– А я думал, все кончилось, – вздохнул отец.

Питер ничего не сказал, только щедро полил молоком овсянку.

«Может, теперь не нужно будет сегодня идти в школу?» – подумал Эндер.

Отец приказал двери открыться и встал из-за стола.

– Я разберусь, – сказал он. – Ешьте.

Все остались на месте, но есть никто не стал. Через несколько минут отец возвратился в столовую, подошел к матери и увел ее с собой.

– Ты в большой глубокой луже, – сообщил Питер. – Они пронюхали, что ты сделал с этим Стилсоном, и собираются загнать тебя в тюрьму на астероиды.

– Мне только шесть, идиот. Я несовершеннолетний.

– Ты Третий, жаба. У тебя вообще нет прав.

Вошла Валентина. Растрепанные со сна волосы окружали ее лицо, словно нимб.

– А где папа и мама? Я сегодня слишком больна, чтобы идти в школу.

– Еще один устный экзамен, да? – развеселился Питер. – А знаешь, как «устный» по-латински? Оральный.

– Заткнись, Питер, – вяло огрызнулась Валентина.

– Ты должна расслабиться и получать удовольствие, – ответил Питер. – Ведь могло быть хуже.

– Не знаю, куда уж хуже.

– Это мог быть анальный экзамен.

- Ха-ха, - ответила Валентина. - Так где все-таки папа с мамой?

- Беседуют с парнем из МФ.

Инстинктивно она сразу повернулась к Эндеру. Ведь столько лет они ждали: придет кто-то и скажет, что Эндер прошел, что Эндер нужен.

- Да, да, посмотри на него, - сказал Питер. - Но ты знаешь, это ведь могу быть и я. До них могло дойти наконец, что из нашей семейки я самый лучший. - Питер был явно задет, а потому, как обычно, превратился в настоящую язву.

Дверь распахнулась.

- Эндер, - позвал отец, - пойдика сюда.

- Извини, Питер, - поддразнила Валентина.

Отец покачал головой:

- Дети, это не повод для шуток.

Эндер поплелся за отцом в прихожую. Когда они вошли, офицер Международного флота встал, но руку Эндеру не протянул.

Мать нервно крутила на пальце обручальное кольцо.

- Эндрю, - начала она, - вот уж никогда не думала, что ты способен затеять драку.

- Этот мальчик, Стилсон, сейчас в больнице, - продолжил отец. - Ты хорошо над ним поработал. Бить человека ногами, Эндер... Не думаю, что это было честно.

Эндер покачал головой. Он ожидал, что по поводу Стилсона придет кто-нибудь из школы, но уж никак не офицер флота. Все оказалось куда серьезнее, чем он рассчитывал, однако другого выхода у него просто не было.

– Молодой человек, можете ли вы как-то объяснить свое поведение? – спросил офицер.

Эндер снова покачал головой. Он не знал, что ответить, боялся быть откровенным, боялся, что его слова покажутся еще более чудовищными, чем действия. «Я согласен на любое наказание, – подумал он. – И давайте покончим с этим».

– Мы готовы рассмотреть смягчающие обстоятельства, – сказал офицер. – Но, должен заметить, вы проявили себя нелучшим образом. Пинать в пах, бить ногами по лицу, по телу, когда он уже валялся на земле... Все выглядит так, будто вы получали удовольствие. Будто вам нравилось.

– Это не так, – прошептал Эндер.

– Тогда почему вы это делали?

– Там была его банда, – попытался объяснить Эндер.

– Ну? И это вас оправдывает?

– Нет.

– Объясните, почему вы продолжали его бить, причем ногами. Ведь вы уже победили.

– Когда я сшиб его, то выиграл лишь первый бой. А я хотел выиграть и все остальные, тут же, на месте, чтобы меня оставили в покое.

Эндер ничего не мог с собой поделать: ему было слишком страшно, слишком стыдно за себя, он пытался сдержаться, но снова зарыдал. Он не любил плакать и плакал редко, а теперь – меньше чем за сутки – уже в третий раз. И каждый следующий раз был все хуже. Расплакаться перед матерью и отцом, перед этим военным – это просто ужасно.

– Вы забрали у меня монитор, – всхлипнул Эндер. – Я должен был позаботиться о себе!

- Но ты мог бы попросить помощи у кого-то из взрослых... - начал отец.

Вдруг офицер встал, пересек прихожую, подошел к Эндеру и протянул ему руку:

- Мое имя Графф, Эндер. Полковник Хайрам Графф. Я заведую начальным обучением в Боевой школе в Поясе астероидов. Я пришел, чтобы пригласить тебя поступить в эту школу.

После всего...

- Но монитор...

- Последняя стадия тестирования - то, как ты поведешь себя, если забрать монитор. Мы не всегда прибегаем к такому, но в твоем случае...

- И он прошел? - Мать скептически посмотрела на Граффа. - Прогресс, отправив другого мальчика на больничную койку? А что бы вы сделали, если бы Эндрю убил его, - дали б моему сыну медаль?

- Не так важно, что он сделал, миссис Виггин, важнее - почему. - Полковник Графф протянул ей папку, набитую бумагами. - Здесь все, что требуется. Ваш сын получил «добро» Отборочной комиссии Международного флота. Конечно, у нас есть ваше письменное согласие, полученное в тот день, когда подтвердили зачатие, иначе мальчику бы вообще не позволили родиться. С самого рождения он принадлежал нам. И он нам подходит.

Когда отец заговорил, его голос дрожал:

- Это жестоко с вашей стороны - дать нам понять, что вы в нем не нуждаетесь, а потом вот так прийти и забрать.

- И эта шарада с мальчиком Стильсонов, - добавила мать.

- Это не шарада, миссис Виггин. Пока мы не знали, что двигало Эндером, мы не могли быть уверены, что он не еще один... В общем, мы хотели понять смысл его действий. Вернее, то, какой смысл в них вкладывал сам Эндер.

- Почему вы называете его этим дурацким прозвищем? - Мать заплакала.

- Он сам себя так называет.

- Что вы собираетесь делать, полковник Графф? - спросил отец. - Просто заберете его и выйдете с ним за дверь?

- Это зависит от многого, - пожал плечами Графф.

- Например?

- Например, от того, захочет ли Эндер пойти со мной.

Плач матери перешел в горький смех.

- Так он может решать сам? Как это мило с вашей стороны!

- Вы двое сделали свой выбор, когда Эндер был зачат. Но сам мальчик еще не мог выбирать. Мобилизованные становятся хорошим пушечным мясом, но офицеров мы набираем только из добровольцев.

- Офицеров? - переспросил Эндер.

И при звуке его голоса все остальные замолчали.

- Да, - кивнул Графф. - В Боевой школе учатся будущие капитаны космических кораблей, коммодоры флотилий и адмиралы флота.

- Не обманывайте ребенка! - рассердился отец. - Сколько мальчишек из вашей Боевой школы действительно поднимается на капитанский мостик?

- К сожалению, мистер Виггин, это секретная информация. Но я могу уверить вас, что ни один из ребят, продержавшихся в школе первый год, не остался без офицерского чина. И ни один не занимал должности ниже первого помощника капитана межпланетного корабля. А это очень большая честь, даже если служить в частях обороны в пределах нашей собственной Солнечной системы.

- И скольким удастся продержаться первый год? - нетерпеливо спросил Эндер.

- Всем, кто этого хочет, - ответил Графф.

Эндер чуть не сказал: «Я хочу». Но тут же прикусил язык. Конечно, хорошо больше не ходить в школу, но это не главное: в школе скоро все образуется. Но избавиться от Питера - вот это уже серьезнее, может, это вообще вопрос жизни и смерти! Только как оставить маму и папу... А Валентину... Стать солдатом? Эндер не любил драться. Ему не нравился стиль Питера - сильный против слабого, но и его собственный - умный против глупого - не нравился тоже.

- Я думаю, - сказал Графф, - нам с Эндером стоит поговорить наедине.

- Нет, - отрезал отец.

- Я не заберу его, не дав вам еще раз увидеть его, - пообещал Графф. - И на самом деле воспрепятствовать мне вы не можете.

Несколько секунд отец враждебно смотрел на Граффа, потом встал и вышел. Мать задержалась на секунду, чтобы сжать руку Эндера. Выходя, она закрыла за собой дверь.

- Эндер, - начал Графф, - если ты пойдешь со мной, ты долго, очень долго не сможешь вернуться домой. В Боевой школе нет каникул. И туда не пускают посетителей. Полный курс обучения закончится, когда тебе будет шестнадцать лет, а первый отпуск ты получишь, и то при определенных обстоятельствах, когда тебе исполнится двенадцать. Поверь мне, Эндер, за шесть, за десять лет люди меняются. Твоя сестра Валентина станет взрослой женщиной, когда ты увидишь ее снова, если, конечно, пойдешь со мной. Вы встретитесь как два незнакомца. Ты все еще будешь любить ее, Эндер, но это будет абсолютно незнакомый тебе человек. Видишь, я даже не пытаюсь убедить тебя, что это легко.

- А что насчет мамы и папы?

- Я знаю тебя, Эндер, я внимательно ознакомился с записями твоего монитора. Ты не будешь скучать по своим родителям, то есть будешь, но недолго. И они

так же быстро забудут тебя.

Вопреки желанию Эндера слезы снова подступили к его глазам. Он отвернулся, но не стал поднимать руки, чтобы вытереть их.

– Они очень любят тебя, Эндер. Но ты должен понять, чего им стоила твоя жизнь. Ты ведь знаешь, они оба из религиозных семей. Твоего отца при крещении нарекли именем Джон Пауль Вечорек. Он католик. И седьмой сын из девяти.

«Девять детей. Невозможно. Преступно».

– Хм, да. Так вот, люди совершают странные поступки ради религии. Ты знаешь про санкции, Эндер. Тогда они были не такими суровыми, но все же. Только первые два ребенка получали бесплатное образование, а с каждым новым ребенком возрастали налоги. Когда твоему отцу исполнилось шестнадцать, он воспользовался Законом о неподчинившихся семьях, чтобы оставить свою семью, изменил имя и фамилию, отрекся от своей религии и поклялся никогда не иметь более позволенных двух детей. И клялся он от чистого сердца. Он не хотел, чтобы и его детям пришлось пройти через тот стыд, те преследования, которые ему довелось пережить. Ты понимаешь?

– Он не хотел меня.

– Ну, видишь ли, в наши времена никто не хочет Третьего. Было бы странно, если бы тебе так уж обрадовались. Но твои отец и мать – особый случай. Они оба отреклись от веры своих отцов (твоя мать была из мормонов), но их чувства все еще амбивалентны. Ты знаешь, что значит «амбивалентны»?

– Работают в обе стороны.

– Они стыдятся того, что происходят из неподчинившихся семей, и скрывают это. Очень-очень стыдятся. Твоя мать даже боится говорить при посторонних, что родилась в штате Юта, – а вдруг ее в чем-то заподозрят? Твой отец отрицает свои польские корни, потому что Польша до сих пор неподчинившаяся нация, и к ней применяются из-за этого международные санкции. Так что, как понимаешь, третий ребенок, пусть даже рожденный по прямому распоряжению правительства, полностью разрушает здание, которое они пытаются возвести.

- Понимаю.

- Но на самом деле все еще более запутано. Твой отец назвал вас в честь католических святых. По сути дела, он даже сам крестил вас, всех троих, как только вас привезли из роддома домой. А твоя мать возражала. Они каждый раз ссорились из-за этого. Не потому, что она не хотела, чтобы вас крестили, а потому, что была против католического обряда. Они не смогли по-настоящему отказаться от своей религии. И ты стал символом их гордости: они сумели обойти закон и родить третьего ребенка. Но ты также и напоминаешь об их трусости: они не решились на неподчинение, которое все еще считают правильным, и не стали рожать дальше. А еще ты – причина их дискомфорта, так как мешаешь им прижиться в нормальном законопослушном обществе.

- Откуда вы все это знаете?

- Твои брат и сестра носили мониторы, Эндер. Ты не представляешь себе, насколько это чувствительный прибор. Мы подсоединяемся прямо к твоему мозгу и слышим все, что слышишь ты, даже если ты в этот момент не участвуешь в происходящем. Но мы участвуем.

- Значит, мои родители и любят и не любят меня?

- Они любят тебя. Вопрос в том, хотят ли они жить рядом с тобой. Твое присутствие в доме – это повод для постоянного беспокойства. Источник напряжения. Понимаешь?

- Но я не виноват.

- Конечно. Тут дело не в том, как ты себя ведешь, а в том, что ты есть. Брат ненавидит тебя, ведь ты живое доказательство того, что он недостаточно хорош. Родители стыдятся тебя, ибо ты олицетворяешь прошлое, от которого они пытаются отречься.

- Валентина любит меня.

- Всем сердцем. Полностью, незамутненно. Она предана тебе, а ты обожаешь ее. Я говорил, что это будет нелегко.

– А что ждет меня там?

– Тяжелая работа. Учеба, как в здешней школе, только мы больше налегаем на математику и программирование. Военная история. Стратегия и тактика. И прежде всего боевая комната.

– А это что такое?

– Военные игры. Все учащиеся школы поделены на армии. День за днем в невесомости разыгрываются сражения. Никто никого не убивает, но победа или поражение все равно главное. Каждый начинает рядовым, подчиняется приказам. Мальчики постарше – ваши офицеры, их обязанность тренировать вас и командовать вами в бою. Больше я не могу тебе рассказать. Это похоже на игру в жукеров и астронавтов, только с настоящим оружием в руках и товарищами, сражающимися рядом, а твоя судьба, да и судьба всего человечества, будет зависеть от того, как ты учился, как ты сражался. Это тяжелая жизнь, и у тебя не будет нормального детства. Но, видишь ли, у тебя, с твоим-то умом и положением Третьего, нормального детства не будет все равно.

– Значит, в школе только мальчики?

– Нет. Есть и несколько девочек. Им реже удастся пройти отбор. Слишком много веков эволюции работают против них. И ни одна из них не похожа на Валентину. Но ты найдешь там братьев, Эндер.

– Таких, как Питер?

– Питера не приняли, Эндер, по тем самым причинам, по которым ты ненавидишь его.

– Я его не ненавижу, я просто...

– Боишься его. Ну, знаешь ли, Питер не так уж плох. За долгое время он был лучшим из тех, за кем мы наблюдали. Мы попросили твоих родителей, чтобы следующей была девочка (впрочем, они и так ее хотели), в надежде, что Валентина заменит Питера, если будет мягче его. Она оказалась слишком мягкой. И тогда мы заказали тебя.

– Наполовину Валентину, наполовину Питера.

– Если все получится.

– И получилось?

– Насколько мы можем судить, да. Наши тесты очень и очень хороши, Эндер, но они не говорят нам всего. По сути, когда доходит до дела, выясняется, что все наши результаты можно выбросить в помойку. Но это все же лучше, чем ничего. – Графф наклонился и взял руки Эндера в свои. – Эндер Виггин, если бы я выбирал для тебя лучшее, наисчастливейшее будущее, то посоветовал бы остаться дома. Есть вещи куда хуже, чем быть Третьим или иметь старшего брата, который никак не может решить, кто он – человек или шакал. И Боевая школа как раз «куда хуже». Но ты нужен нам. Сейчас в жукеров играют дети, Эндер, но совсем недавно эти твари чуть не стерли нас с лица Земли. Хуже того, малыш. Они застали нас врасплох, превосходили нас численностью и вооружением. И спасло нас только то, что флотом командовал самый лучший полководец, какой только мог быть. Зови это судьбой, божьей волей, дурацким везением, но у нас был Мэйзер Рэкхем.

Однако теперь его нет, Эндер. Мы выскребли из углов все, что могло произвести человечество, и создали флот, по сравнению с которым предыдущая армада жукеров выглядит стайкой ребятишек, плещущихся в бассейне. У нас есть кое-какое новое оружие. Но всего этого мало, ибо за восемьдесят лет, прошедших с последней войны, они наверняка тоже успели подготовиться. Нам нужны лучшие из лучших, и как можно скорее. Может, ты нам вообще не подойдешь, а может, подойдешь – это пока неизвестно. Не исключено, что ты сломаешься, не выдержав напряжения. Может быть, это разрушит твою жизнь. Возможно, ты возненавидишь меня за мой сегодняшний визит. Но пока есть надежда, что именно благодаря тебе человечество выживет, а жуконы навсегда оставят нас в покое, я буду настаивать на том, чтобы ты сделал это. Чтобы пошел со мной.

Эндер никак не мог сфокусировать взгляд на полковнике Граффе. Этот человек казался далеким, таким маленьким, что его можно взять кончиками пальцев и положить в карман. Оставить все и отправиться туда, где тяжело, где нет Валентины, папы и мамы!..

А потом он вспомнил те фильмы про жуков, которые должен смотреть каждый по меньшей мере раз в год. Уничтожение Китая. Битва в астероидах. Смерть, страдания, страх. И Мэйзер Рэхем, его блистательные маневры и контрманевры, благодаря которым он уничтожил вражеский флот, вдвое превосходивший земной по численности и еще вдвое – по огневой мощи. Маленькие кораблики людей казались такими хрупкими и слабыми. Они были похожи на детей, посмевавшихся вступить в войну со взрослыми. Но люди победили.

– Мне страшно, – тихо сказал Эндер. – Но я пойду с вами.

– Повтори, – попросил Графф.

– Я ведь для этого был рожден, разве нет? Если я не пойду с вами, зачем я вообще появился на свет?

– Не годится, – покачал головой полковник.

– Я не хочу идти, – сказал Эндер. – Но пойду.

Графф удовлетворенно кивнул.

– Ты еще можешь отказаться, пока не сел со мной в машину, – предупредил он. – Но после этого ты поступаешь в распоряжение Международного флота. Понял?

Эндер кивнул.

– Хорошо. Тогда давай скажем им.

Мать расплакалась. Отец крепко прижал его к себе. Валентина поцеловала его, и ее слеза капнула ему на щеку. Питер пожал ему руку и сказал:

– Везучий маленький упертый гаденыш.

Собирать было нечего. Никаких личных вещей не позволялось.

- В школе тебе выдадут все, что надо, от формы до компа. А игрушки... Там только одна игра.

- До свидания, - сказал Эндер своей семье.

Он потянулся вверх, взял за руку полковника Граффа и вместе с ним вышел за дверь.

- Убей за меня парочку жукеров! - крикнул Питер.

- Я люблю тебя, Эндрю, - прошептала мать.

- Мы будем писать тебе, - пообещал отец.

И, уже садясь в машину, он услышал надрывный крик Валентины:

- Возвращайся ко мне! Я буду любить тебя всегда!

4. Запуск

- Работая с Эндером, мы должны соблюдать очень шаткое равновесие. С одной стороны, необходимо изолировать его настолько, чтобы он сохранил способность к творчеству, - иначе он приспособится к системе и мы потеряем его. С другой стороны, нужно развить в нем способности лидера.

- Дай ему полномочия, и он будет командовать.

- Все не так просто. Мэйзер Рэкхем победил, управляя маленьким флотом. Но к тому времени, когда начнется новая война, всего будет слишком много, даже для гения. Флот очень разросся. Эндер должен научиться взаимодействовать с подчиненными.

- Здорово. Значит, он должен быть и гением, и милым добрым парнем одновременно.

- Только не добрым. Добрый позволит жукерам сожрать нас с потрохами.

- Ты собираешься изолировать его?

- Он будет отделен от всех остальных, как стеной, прежде чем мы достигнем школы.

- Не сомневаюсь. Я буду ждать тебя там. Я видел запись того, что он сделал с тем парнем, Стилсоном. Ты везешь нам очень милого мальчонку.

- Вот тут ты ошибаешься. Он и в самом деле милый. Но не беспокойся. Это мы быстро исправим.

- Иногда мне кажется, тебе нравится ломать всех этих маленьких гениев.

- Это особое искусство, и я очень, очень хорошо им владею. Нравится ли мне это? Пожалуй. Ведь я снова собираю их по кусочкам и делаю лучше, чем прежде.

- Ты чудовище.

- Спасибо. Значит ли это, что я заслужил прибавку?

- Всего лишь медаль. Наш бюджет не резиновый.

Говорят, невесомость может привести к потере ориентации, особенно у детей, так как у них еще не вполне развилось чувство направления. Но Эндер потерял ориентацию прежде, чем покинул поле притяжения Земли. Еще до того, как челнок стартовал.

В группе было еще девятнадцать мальчишек. Они высыпались из автобуса и загрузились в лифт. Они разговаривали и шутили, толкались и хохотали. Эндер молчал. Он заметил, что Графф и другие офицеры наблюдают за ними. Анализируют. «Все, что мы делаем, важно, – понял Эндер. – То, что они смеются. То, что я не смеюсь».

А может, стоит присоединиться к остальным? Но он не мог придумать ни одной шутки, а их шутки не казались ему смешными. Эндер заглядывал в себя, и там, внутри, не было места смеху. Он боялся, и страх делал его серьезным.

На него надели форму – цельнокроеный комбинезон. Очень странное, непривычное ощущение – когда не чувствуешь ремня на поясе. В новой одежде Эндер казался себе одновременно мешковатым и голым. Всюду работали телевизионные камеры. Словно длинномордые животные, они высовывались из-за плеч согнувшихся, скрюченных людей. Операторы двигались медленно, кошачьим шагом, чтобы камера не дергалась, а шла мягко. Эндер поймал себя на том, что тоже стал двигаться мягко, крадучись.

Он представил себя на телеэкране дающим интервью. Ведущий спрашивает его: «Как вы себя чувствуете, мистер Виггин?» – «В общем, неплохо, только очень хочу есть». – «Хотите есть?» – «О да». – «Двадцать часов перед запуском вам не разрешают есть». – «Как интересно. А я и не знал». – «Все мы здесь здорово проголодались, если на то пошло». И все это время, все интервью Эндер и парень с телевидения будут бок о бок мягко скользить перед операторами, двигаясь длинными, кошачьими шагами. Ведущий позволит ему говорить от имени всех присутствующих, хотя Эндер и за себя-то не вполне отвечает. Тут впервые Эндер почувствовал, что ему смешно, и улыбнулся. Ребята рядом с ним тоже смеялись, но по другой причине. «Они думают, я улыбаюсь их шутке, – подумал Эндер. – Но мои мысли гораздо смешнее».

– Поднимайтесь по лестнице по одному, – сказал один из офицеров. – Увидите ряд с пустыми сиденьями, занимайте любое. Окон там нет, так что можете не толкаться.

Это была шутка. Ребята засмеялись.

Эндер шел одним из последних, хотя и не самым последним. Телекамеры все еще были наведены на лестницу. «Увидит ли Валентина, как я исчезаю в недрах челнока? А может, помахать ей рукой или подбежать к оператору и спросить разрешения попрощаться с сестрой?» Он не знал одного: даже если бы он это сделал, цензура вырезала бы его слова. Мальчишки, улетающие в Боевую школу, должны быть героями. Они не могут тосковать по кому бы то ни было. Эндер ничего не знал о цензуре, но понимал: обращаться с подобными вопросами к телекамерам будет неправильно.

Он быстро одолел короткий мостик, ведущий к двери челнока, и, нырнув внутрь, заметил, что стена справа покрыта ковром, совсем как пол. Вот здесь и началась та самая потеря ориентации. Он представил себе, что стена – это пол и он идет по стене. Добрался до второй лестницы и увидел, что вертикальная поверхность за ней тоже покрыта ковром. «Я ползу вверх по полу. Рука за рукой, шаг за шагом».

А потом, просто ради смеха, он представил себе, что на самом деле сейчас не поднимается, а спускается по стене. Пол и потолок практически мгновенно поменялись местами, и он продолжал убеждать себя в таком положении дел, пока не добрался до пустующего места. И, уже сев, понял вдруг, что крепко держится за подлокотники – даже несмотря на то, что гравитация плотно прижимала его к креслу.

Остальные мальчики слегка подпрыгивали на пружинистых сиденьях, дразнились, толкались, перекрикивались. Эндер вытащил привязные ремни, внимательно изучил их, прикидывая, как они должны соединяться, проходя между ногами, обхватывая пояс и плечи. Он представил себе перевернутый корабль, свисающий с поверхности Земли, будто с потолка, и лишь гигантские пальцы гравитации удерживают его на месте. «Но мы ускользнем, – подумал он. – Вырвемся и упадем с этой планеты».

Тогда он не осознал всего значения этой мысли. И только потом, много позже, вспомнил, что еще до того, как оставил Землю, впервые подумал о ней как о некой, как будто чужой, планете, одной из многих.

– Ну что, осваиваешься? – поинтересовался Графф, стоявший рядом на лестнице.

– Летите с нами? – спросил Эндер.

– Обычно я не летаю за рекрутами, – ответил Графф. – Как-никак я старший офицер. Администратор школы. Нечто вроде завуча. Но в этот раз меня отпустили. Правда, велели побыстрее возвращаться, иначе останусь без работы.

Он улыбнулся, и Эндер улыбнулся в ответ. Ему было уютно с Граффом. Графф хороший. И еще он завуч Боевой школы. Эндер слегка расслабился. По крайней мере, у него будет там друг.

Взрослые помогли мальчикам пристегнуться, тем из них, кто, в отличие от Эндера, не сообразил сделать это раньше. Потом прождали еще час, а тем временем телевизор, расположенный в носу челнока, рассказывал о челночных перелетах, пересказывал историю освоения космоса и описывал славное будущее, которое ждет величественные корабли Международного флота. Очень скучно и утомительно. Эндер видел такие фильмы раньше. Только раньше он не был пристегнут к креслу внутри самого настоящего челнока. И не свисал вниз головой с живота матери-Земли.

Запуск оказался совсем не страшным, хотя и пощекотал нервы. Тряска, несколько секунд паники, – конечно, таких катастроф, как в ранние времена челночных перелетов, уже очень давно не случалось, но все когда-нибудь происходит снова. Из фильмов никогда не узнаешь, сколько неприятностей можно пережить, лежа на спине в мягком кресле.

А потом все кончилось, и Эндер повис на ремнях в невесомости.

Поскольку он уже привык ориентироваться на новый лад, то вовсе не удивился, когда увидел, как Графф ползет по лестнице задом наперед, словно спускается к носу челнока. Не поразился и тогда, когда Графф зацепился ногами за скобу, оттолкнулся руками и встал, как в обычном аэроплане.

Но некоторым, похоже, приходилось нелегко. Один из мальчиков издал характерный звук, и Эндер понял, почему им запретили есть аж за двадцать часов до запуска. Рвота в невесомости – не такая уж смешная штука, как кажется.

Самому Эндеру игра Граффа с гравитацией пришлась по вкусу, и он решил как бы продолжить ее. Сначала представил себе, что Графф свисает вниз головой из центрального прохода, а потом переменял точку зрения и увидел его торчащим перпендикулярно из стены. «Притяжение может действовать в любую сторону. Так, как я захочу. Я могу заставить Граффа стоять на голове, а он даже не узнает об этом».

– Что смешного, Виггин?

Голос Граффа был злым и резким. «Что-то я сделал не так, – подумал Эндер. – Может, рассмеялся вслух?»

– Я задал тебе вопрос, солдат! – пролаял Графф.

«Ага. Началось обучение». Эндер видел по телевизору несколько фильмов о военных, и там всегда много кричали, особенно во время подготовки, прежде чем солдат и офицер становились добрыми друзьями.

– Так точно, сэр, – ответил Эндер.

– Тогда отвечай!

– Я представил себе, что вы зацепились ногами и висите вниз головой. И подумал, что это очень смешно.

Но сейчас, под холодным взглядом Граффа, было совсем не до смеха.

– Тебе, я думаю, это смешно. А кому-нибудь еще?

В ответ прозвучало неровное бормотание, в котором можно было различить несколько «нет».

– А почему, собственно, нет? – Графф окинул всех презрительным взглядом. – Сплошь дураки собрались у нас сегодня здесь. Идиоты с куриными мозгами. Только у одного из вас хватило ума понять, что в невесомости можно выбирать то направление, какое считаешь нужным. Ты понимаешь это, Шафтс?

Мальчик кивнул.

– Вот уж вряд ли. Откуда? Ты не только дурак, но и лжец к тому же. Только у одного парня на сегодняшнем рейсе есть хоть какие-то мозги – у Эндера Виггина. Получше приглядитесь к нему, сосунки. Он станет коммодором, когда вы еще не вылезете из пеленок. Потому что он в невесомости думает, а вы только блюете.

События развивались совсем не так, как должны были. По логике, Граффу следовало высмеять его, а не выставить лучшим. Сначала они должны были оказаться по разные стороны, чтобы потом стать друзьями.

– Большинство из вас просто вылетит вон. Привыкайте к этой мысли, сосунки. Большинство из вас кончит Пехотной школой, потому что вам просто-напросто недостает мозгов, чтобы управляться с пилотированием в глубоком космосе. Большинство из вас не стоит даже тех денег, что потратили на этот перелет, ибо в вас нет нужных качеств. Да, возможно, кое-кто справится и, вполне может быть, принесет человечеству хоть какую-то пользу. Но на вашем месте я бы не очень на это рассчитывал. Здесь и сейчас я бы поставил только на одного из вас.

Внезапно Графф сделал заднее сальто, поймал лестницу руками, оттолкнулся от нее ногами и сделал бы стойку на голове, если бы пол был внизу, или повис на руках, если бы пол оказался сверху. Перебирая руками, добрался по проходу до своего места.

– Похоже, ты сделал карьеру, – сказал мальчик, сидевший рядом.

Эндер покачал головой.

– Что, даже разговаривать теперь не хочешь? – обиделся мальчик.

– Я не просил его об этом, – прошептал Эндер.

И вдруг почувствовал острую боль в макушке. А потом опять. За спиной кто-то хихикнул. Мальчик, сидевший прямо за ним, наверное, отстегнул свои ремни, чтобы дотянуться до него. Еще один удар по голове. «Отстань, – подумал Эндер, – я ничего тебе не сделал».

Снова удар по голове и снова смех. Графф что, не видит? Он наконец вмешается или нет? Новый удар. Еще сильнее. По-настоящему больно. Где же Графф?

Потом вдруг Эндер все понял. Графф намеренно спровоцировал их. Это было куда хуже того, что он видел в фильмах. Когда над тобой издевается сержант, остальные принимают твою сторону. Но когда офицер отдает тебе предпочтение, тебя начинают ненавидеть.

– Эй, дерьмояд, – послышалось сзади, и его опять ударили по голове. – Как тебе это нравится? Что, супермозг, кайфуешь?

Последовал еще один удар, да такой сильный, что Эндер чуть не заплакал от боли.

Если это Графф его подставил, значит никто не поможет. Придется справляться самому. Эндер приготовился к следующему удару. «Сейчас», – подумал он. И – да, его ударили. Было больно, но сейчас он пытался рассчитать, когда последует очередной удар. Вот. Как раз, точно. «Ты попался», – подумал Эндер.

И когда сосед сзади снова потянулся, чтобы ударить, Эндер вскинул обе руки, схватил его за запястья и изо всех сил рванул.

При нормальной силе тяжести мальчик врезался бы в спинку кресла и здорово расшиб себе грудь. В невесомости же он сорвался со своего места и, кувыркаясь, улетел к потолку. Эндер не ожидал этого, так как не сообразил, насколько нулевая гравитация увеличивает даже его детскую силу. Мальчик пролетел через кабину, врезался в потолок, от него отскочил в кресло одного из своих товарищей, размахивая руками, вылетел в проход и, вопя во все горло, ударился о переборку пилотской кабины. Его левая рука при этом неестественно подвернулась вниз.

Все это длилось считанные секунды. Графф мгновенно оказался рядом, поймал парня и ловко перебросил его вдоль прохода своему помощнику.

– Левая рука. По-моему, перелом, – сказал он.

Уже через минуту мальчику дали обезболивающее, осторожно уложили обратно в кресло, и один из офицеров начал напылять на сломанную руку гипс.

Эндера тошнило. Он всего-навсего хотел перехватить удар. Нет! Нет, он хотел сделать ему больно, поэтому дернул изо всех сил. Он не желал, чтобы наказание вышло настолько публичным, но сейчас его противник ощущал именно ту боль, которой добивался Эндер. Его просто подвела невесомость. «Я Питер. Я точно такой, как он». И Эндер ненавидел себя за это.

Графф стоял у кабины пилотов:

– Вижу, до вас не сразу доходит. Ваши жиденькие мозги никак не могут воспринять очевидный факт. Вас привезли сюда, чтобы сделать солдатами. В ваших старых школах, в бывших семьях вы, наверное, считались крупной рыбой, крепкими и хитрыми парнями, но мы отбираем лучших из лучших, и только с такими людьми вам теперь придется иметь дело. И когда я говорю, что Эндер Виггин лучше всех, ловите намек, пустоголовые. Не связывайтесь с ним. В Боевой школе и раньше случались смертельные случаи. Я понятно объяснил?

Весь остаток полета было очень тихо. Мальчик, сидевший рядом с Эндером, старался не касаться его.

«Я не убийца, – повторял себе Эндер снова и снова. – Не Питер. Что бы Графф ни говорил, я не такой. Я всего-навсего защищался. И очень долго терпел. Ждал. Я не такой, как он говорит».

Голос из динамика объявил, что они приближаются к школе. Двадцать минут ушло на то, чтобы сбросить скорость и войти в док. Эндер пропустил всех вперед. Остальные, в общем довольные, что он остался позади, карабкались по лестнице в том направлении, которое было низом, когда они отчаливали. Графф ждал в конце узкой трубы, ведущей из челнока в сердце Боевой школы.

– Ну, Эндер, как тебе полет? – весело спросил Графф.

– Я думал, вы мой друг. – Несмотря на все усилия, голос Эндера дрогнул.

Графф посмотрел на него слегка озадаченно:

– С чего ты это взял?

– Потому что вы... Потому что вы говорили со мной хорошо и честно. Потому что вы не лгали.

– А я и сейчас не лгу, – сказал Графф. – В мои обязанности не входит быть другом. Я должен создавать лучших в мире солдат. Лучших в истории войн. Нам нужен Наполеон. Или Александр. Только Наполеон под конец проиграл, а Александр быстро сгорел и умер молодым. Нам нужен Юлий Цезарь. Но он хотел стать диктатором, и его за это убили. А нам нужен военный гений без

недостатков. И моя задача – сотворить его, а также мужчин и женщин, которые станут его помощниками. И нигде не сказано, что я должен быть другом маленьких мальчиков.

– Вы заставили их ненавидеть меня.

– Ну и что? Что ты теперь будешь делать? Забьешься в угол? Станешь лизать их маленькие задницы, чтобы они тебя снова полюбили? Только одно может заставить их перестать ненавидеть тебя. Ты должен быть настолько хорош, чтобы они не могли тебя не замечать. Я заявил, что ты лучше всех. И черт возьми, тебе придется таким стать.

– А если не смогу?

– Тогда плохо. Слушай, Эндер, мне действительно жаль тебя. Ты одинок и напуган. Но жукары все еще там, в космосе. Десять, сто, миллион чужаков, миллион миллионов, насколько нам известно. У них несметное число кораблей и неизвестное нам оружие. И они жаждут пустить это оружие в ход, чтобы уничтожить нас. Речь идет не о судьбах мира, Эндер. Только о нас, о человечестве. Если мы все погибнем, на биосферу это никак не повлияет, природа просто перейдет на другую ступень эволюции. Но человечество не хочет умирать. Как вид, оно развивалось, чтобы выжить. А выживаем мы только благодаря тому, что создаем гениев. Мы стараемся, стараемся, и вот раз в несколько поколений такой гений рождается среди нас. И изобретает колесо. И огонь. И поднимается в воздух. Строит город, объединяет народ, создает империю. Ты хоть что-нибудь из этого понимаешь?

Эндеру казалось, что понимает, но он не был уверен и потому промолчал.

– Нет. Конечно нет. Постараюсь объяснить попроще. Все люди рождаются свободными, за исключением тех случаев, когда в них нуждается человечество. И похоже, человечество нуждается в тебе. Думаю, оно нуждается и во мне тоже: я должен определить, на что ты годишься, Эндер. Мы оба можем совершать какие угодно плохие, отвратительные поступки, но если с нашей помощью человечество выживет, значит мы выполнили свое предназначение.

– Выходит, мы лишь орудия?

– Человек и есть орудие, которым пользуются другие люди, чтобы помочь нам всем выжить.

– Это ложь.

– Нет. Это просто половина правды. О другой ее половине можешь не беспокоиться, пока мы не выиграем войну.

– Война закончится еще до того, как я вырасту.

– Очень надеюсь, что ты ошибаешься, – заметил Графф. – Между прочим, сейчас ты еще сильнее вредишь себе. Остальные ребята наверняка обсуждают наш с тобой разговор. Что там делает старина Эндер Виггин? Правильно, опять подлизывается к Граффу. Если ты прослывешь любимчиком учителей, тебе точно конец.

«Иными словами, вали, оставь меня в покое».

– До свидания, – сказал Эндер и, перебирая руками, двинулся по туннелю вслед за остальными.

Графф смотрел ему вслед.

– Неужели тот самый? – спросил один из учителей рядом.

– Бог знает, – ответил Графф. – Но если нет, лучше бы ему появиться, да поскорее.

– А может, он вообще не появится, – сказал учитель.

– Возможно. В таком случае, Андерсон, Бог – жукер. И можешь меня цитировать.

– Всенепременно.

Они немного постояли молча.

- Андерсон!

- Мм?

- Малыш не прав. Я его друг.

- Знаю.

- Он чист. У него золотое сердце.

- Я читал доклады.

- Андерсон, подумай только, что мы из него сделаем...

- Лучшего полководца за всю историю человечества, – ни секунды не колеблясь, ответил Андерсон.

- А потом взвалим на его плечи ответственность за судьбу мира. Ради него самого я надеюсь, он нам не подойдет. Очень надеюсь.

- Да не беспокойся ты так. Жукеры могут перебить нас всех еще до того, как он закончит школу.

- Спасибо, – улыбнулся Графф. – Мне сильно полегчало.

5. Игры

- Прими мое восхищение. Сломанная рука – это штрих настоящего мастера.

- Все произошло случайно.

- Неужели? А я-то уже объявил тебе благодарность в приказе.

– Это было чересчур. Тот гаденыш чуть ли не в герои выбился. Это могло напрочь сорвать подготовку остальных. Я надеялся, Эндер позовет на помощь.

– На помощь? Я думал, ты больше всего ценишь в нем то, что он сам справляется со своими трудностями. Когда он там, в космосе, столкнется с вражеским флотом, ему никто не придет на помощь, как ни зови.

– Да кто ж мог знать, что чертов сосунок вылетит из кресла и врежется прямо в переборку?

– Еще один красочный пример идиотизма военных. Если бы у тебя были хоть какие-то мозги, ты сделал бы настоящую карьеру. Стал бы страховым агентом, например.

– Можно подумать, ты у нас супермозг.

– Нам нужно свыкнуться с тем, что мы – второй сорт. И что судьба человечества в наших руках. Зато какое восхитительное ощущение власти, не правда ли? В частности, потому, что, если на сей раз мы проиграем, нас просто некому будет критиковать.

– Никогда об этом не думал. Но лучше не проигрывать.

– Посмотрим, как Эндер справится. Если мы его уже потеряли, если он не сможет, кто следующий? Кто еще?

– Я составлю список.

– Заодно подумай на досуге, как спустить Эндера с привязи.

– Я тебе уже говорил. Его нужно держать в полной изоляции. Он должен твердо уверовать, что ни при каких обстоятельствах ему никто никогда ни в чем не поможет. Если он хоть на мгновение заподозрит, что есть какой-то другой выход, более легкий путь, он потерян для нас раз и навсегда.

– Ты прав. Если он вдруг решит, что у него есть друг, – это будет конец.

– Ему можно иметь друзей. Но не родителей.

Когда Эндер появился в комнате, все остальные уже выбрали себе койки. Он остановился на пороге, глядя на единственную незанятую кровать, нижнюю у двери. Потолок был низкий. Эндер мог достать до него, подняв руку. Нижние койки были установлены прямо на полу. Мальчики исподтишка наблюдали, делая вид, будто занимаются чем-то своим. Согласившись на худшее место в комнате, Эндер тем самым провоцировал их на новые издевательства. Это было очевидно, но и поменяться с кем-либо кроватями вряд ли получится.

Поэтому он широко улыбнулся.

– Вот спасибо, – сказал он без всякого сарказма, так искренне, словно ему досталось лучшее место. – А я уж думал, придется кого-то просить, чтобы мне уступили нижнюю койку у двери.

Он сел и заглянул в открытый шкафчик у изголовья кровати. С внутренней стороны дверцы была приклеена инструкция:

ПОЛОЖИТЕ РУКУ НА СКАНЕР, РАЗМЕЩЕННЫЙ В ИЗГОЛОВЬЕ, И ПОВТОРИТЕ СВОЕ ИМЯ ДВАЖДЫ.

Эндер отыскал сканер (лист туманного пластика), положил на него левую руку и произнес:

– Эндер Виггин. Эндер Виггин.

Сканер на мгновение загорелся зеленым светом. Эндер закрыл шкафчик и попробовал открыть его. Не смог. Тогда он снова положил руку на сканер и сказал:

– Эндер Виггин.

Шкафчик распахнулся. Но в нем открылись еще три отделения.

В первом лежали четыре таких же комбинезона, как и тот, что был на нем, плюс один белый, парадный. Во втором отделении оказался маленький комп, совсем как в школе. Значит, с учебой не покончено. А в третьем, самом большом, находилась необыкновенно шикарная вещь. На первый взгляд она напоминала скафандр, настоящий скафандр, со шлемом и перчатками, только не герметичный, не предназначенный для работы в открытом космосе. Костюм был скроен так, чтобы плотно облегал все тело – даже специальная толстая прокладка присутствовала, – а снаружи он был достаточно жестким.

И еще там лежал пистолет. Выглядел он совсем как лазер – с дулом из цельного куска толстого прозрачного стекла. Но вряд ли детишкам выдадут настоящее боевое оружие...

– Это не лазер, – объяснил кто-то.

Эндер поднял голову. Этого человека он раньше не встречал. Молодой. С добрыми глазами.

– ...Но испускает достаточно плотный, сфокусированный луч дюйма три диаметром, – продолжал тот. – И бьет как минимум метров на сто.

– А зачем эта штуковина нужна? – спросил Эндер.

– Для одной из игр, в которые мы играем во время отдыха. Кто-нибудь еще открыл свои шкафчики? – Незнакомец огляделся. – Вы должны закодировать свои имена, последовав инструкции внутри на дверце. Без этого вы свои шкафчики открыть не сможете. Здесь вы будете жить весь первый год учебы в Боевой школе, так что выбирайте себе место и осваивайтесь. Обычно мы разрешаем вам самим выбрать старшего офицера и поселить его на нижней койке у двери, но, как я заметил, это место уже занято. Кодировка изменению не подлежит. Так что решайте сами. Обед через семь минут. Пойдете по световым точкам на полу. Ваши цвета – красный, желтый, желтый. Куда бы вас ни хотели направить, это всегда будут красный, желтый, желтый – три точки рядом, и вы должны следовать за ними. Итак, парни, какой у вас световой код?

– Красный, желтый, желтый.

– Очень хорошо. Меня зовут Дэп. На ближайшие несколько месяцев я ваша мама.

Мальчики рассмеялись.

– Смейтесь сколько хотите, но помните. Если вы потеряетесь, заблудитесь в школе, что вполне возможно, не пытайтесь соваться во все двери подряд. Некоторые из них ведут в открытый космос. – (Снова смех.) – Лучше найдите кого-нибудь и скажите, что ваша мама Дэп, и меня сразу отыщут. Или назовите ваши цвета, и вам высветят дорожку, ведущую домой. Если у вас есть проблемы, приходите ко мне, поговорим. Помните: я здесь единственный, кому платят за то, чтобы он обращался с вами хорошо. Но наглеть не стоит. Наглецу я бью по лицу. О'кей?

Все опять засмеялись. Дэп сразу обрел полную комнату друзей. Сердца перепуганных ребятшек нетрудно покорить.

– А теперь скажите, где сейчас низ?

Ему показали.

– Отлично. Но там, куда вы показали, располагается космос. Корабль вращается, и это заставляет вас думать, будто низ – там. На самом же деле пол заворачивает вот так. И если идти в том направлении достаточно долго, то вернешься к тому месту, откуда отправился. Только я не советую. Потому что в той стороне живут учителя, а еще дальше, за ними, – ученики постарше, которые очень не любят, когда всякие залетные шатаются по их владениям. Вы рискуете получить пинок под зад. Впрочем, этих самых пинков вам в любом случае не избежать. Но насчет этого ко мне не бегать, понятно? Тут Боевая школа, а не ясли.

– А что же нам делать? – спросил очень маленький негритенок, занимавший верхнюю койку рядом с Эндером.

– Не хотите, чтобы вас пинали, придумайте сами, как этого избежать. Но предупреждаю: никаких убийств. И членовредительств. Это против правил. Я слышал, по дороге сюда уже имело место покушение на убийство. Правда, дело закончилось всего лишь сломанной рукой. Но если подобное повторится, кое-кого отправят на лед. До всех дошло?

– А что значит «отправиться на лед»? – спросил мальчик с загипсованной рукой.

– Это когда ваше личное дело замораживают. Закрывают. А вас отправляют обратно на Землю. Это значит вылететь из Боевой школы.

Все избегали смотреть на Эндера.

– Так что, парни, пакостничать тут нужно с умом. Намек понят?

Дэп ушел. На Эндера так никто и не посмотрел.

Эндер чувствовал, как откуда-то изнутри поднимается страх. Ему было не жалко того парня, которому он сломал руку. Очень уж тот напоминал Стилсона. И, как Стилсон, уже собирал свою банду, в основном из ребят покрепче. Они сейчас смеялись чему-то в дальнем конце комнаты, и время от времени кто-нибудь из них поворачивался, чтобы глянуть на Эндера.

Эндер всем сердцем рвался домой. Происходившее здесь не имело ничего общего со спасением мира. Теперь у него нет монитора. Он беззащитен. И ему снова придется противостоять банде, только живут они теперь в одной комнате. Снова Питер, но уже нет Валентины.

Страх не покинул его и во время обеда: в столовой никто не подсел к нему. Ребята болтали обо всем понемногу: о большом табло на стене, о еде, об учениках постарше. Эндер мог только наблюдать из своего угла.

На табло светился рейтинг армий. Число побед и поражений, результаты недавних игр. Некоторые из ребят постарше, очевидно, держали пари на результат следующей игры. Ячейки напротив двух армий, Мантикор и Гадюк, сейчас мигали – там должен был высвечиваться счет последней игры, но пока было пусто. Эндер решил, что эти армии, должно быть, играют прямо сейчас.

Затем он заметил, что старшие ребята все делятся по цвету формы. Иногда двое или трое в формах разного цвета заговаривали друг с другом, но, как правило, все старались держаться своих. Залетные, самые младшие – те, что прилетели с Эндером, – и две-три группки мальчишек чуть постарше были одеты в простые голубые комбинезоны. Но старшие ученики, те, кто уже был разделен на

команды, одевались куда более ярко. Эндер попробовал угадать, какая форма какой армии принадлежит. С Пауками и Скорпионами было проще всего. Затем он вычислил Пламя и Прилив.

Большой мальчик подошел и сел рядом с ним. По-настоящему большой, лет двенадцати или тринадцати. Совсем взрослый.

- Привет, - сказал он.

- Привет, - отозвался Эндер.

- Я Мик.

- Эндер.

- Это правда твое имя?

- Когда я был маленький, меня так звала сестра.

- Неплохая кликуха для этого места. Эндер. Финиширующий. Тот, кто все заканчивает.

- Надеюсь.

- Но похоже, Эндер, ты в своей группе за жукера.

Эндер пожал плечами.

- Я заметил, ты ешь совсем один. В каждой залетной команде есть такой. Тот, кого все избегают. Иногда мне кажется, учителя это нарочно подстраивают. Сволочи они. Скоро ты и сам это поймешь.

- Ага.

- Так ты жукер?

- Наверное, да.

- Ну и наплюй. Великое дело. - Он отдал Эндеру свою булочку и забрал у него пудинг. - Ешь калорийную пищу, набирайся сил.

Мик набросился на пудинг.

- А ты? - спросил Эндер.

- Я? Я ничто. Пук в системе кондиционирования. Я всегда рядом, но бо?льшую часть времени никто об этом не знает.

Эндер слабо улыбнулся.

- Да, смешно, но это не шутка. Я тут так ничего и не добился. Да и вообще, слишком большой уже. Скоро меня отошлют в следующую школу, но не в Тактическую - это не про мою честь. Видишь ли, лидером я никогда не был, а туда попадают только те, кто может им стать.

- А как стать лидером?

- Эх, если б я это знал, думаешь, сидел бы тут? Вот сколько здесь парней моего возраста ты видишь?

Немного. Но Эндер не сказал этого вслух.

- Мало. Хотя это значит, что не один я пойду на мясо для жуков. Таких, как я, хватает. А остальные - они все теперь командиры. У всех парней из моей залетной команды теперь собственные армии. Только не у меня.

Эндер кивнул.

- Послушай меня, малыш. Я хочу дать тебе добрый совет. Обзаводись друзьями. Целуй задницы, если потребуется, только так можно стать лидером. Но если тебя начнут презирать... В общем, ты меня понял?

Эндер снова кивнул.

– Не-а, ни фиги ты не понимаешь. Все вы, залетные, одинаковы. Ничегошеньки не знаете. Космос в башке. Вакуум. Но стоит в вас чему-нибудь попасть, как вы сразу рассыпаетесь на кусочки. Кончишь, как я, не забудь: кое-кто тебя предупреждал. Это единственное, что я могу для тебя сделать. И больше ничего хорошего ни от кого лучше не жди.

– И чем же я тебя так растрогал? – спросил Эндер.

– Что, сильно умный? Заткнись и жри.

Эндер заткнулся. Мик ему не понравился. И он знал, что ни при каких обстоятельствах не кончит так, как он. Может, учителя планировали для него именно такую судьбу, но Эндер не собирался следовать их планам.

«Я не буду жукером в своей группе, – подумал Эндер. – Не для того я оставил Валентину, маму, папу и прилетел сюда, чтобы меня отправили на лед».

И, поднимая вилку ко рту, он вдруг представил, что вся семья рядом, как раньше, как всегда. Он точно знал, куда повернуть голову и как поднять глаза, чтобы увидеть маму, которая пытается уговорить Валентину не хлюпать. Знал, где сидит отец, уткнувшись в свои новости, но все же притворяясь, будто участвует в беседе. А вон там Питер, который делает вид, что вытаскивает из носа раздавленную горошину. Некоторые шутки у Питера все же были смешными.

Напрасно он о них вспомнил. Эндер почувствовал, как изнутри поднимается плач, и с усилием проглотил комок в горле. Тарелка перед глазами расплывалась.

Нет, плакать нельзя. Участия тут ждать не от кого. Дэп никакая не мать. А любое проявление слабости покажет всем здешним стилсонам и питерам, что этого парня можно сломать. И Эндер сделал то, что делал всегда, когда Питер принимался мучить его, – начал возводить двойку в степень. Один, два, четыре, восемь, шестнадцать, тридцать два, шестьдесят четыре. И дальше, дальше, все дальше, пока числа в голове держатся: сто двадцать восемь, двести пятьдесят шесть, пятьсот двенадцать... На шестидесяти семи миллионах ста восьми

тысячах восьмистах шестидесяти четырех он засомневался, ему показалось, что он пропустил ноль. Здесь должны получиться десятки миллионов, сотни миллионов или просто миллионы? Он начал удваивать снова и снова сбился. Надо начать сначала. Надо удваивать, пока сможешь удержать в голове числа. Боль ушла. Слезы высохли. Он не станет плакать...

И он продержался до ночи, до той самой минуты, когда потускнел свет и другие мальчишки начали звать своих матерей, отцов или собак. Только тогда Эндер не выдержал и едва слышно окликнул Валентину. Он слышал, как вдалеке, там, внизу, в холле, звенит ее голосок, видел, как мама подходит к его двери проверить, все ли в порядке, слышал, как отец смеется перед телевизором, и вдруг четко осознал, что этого больше никогда не будет. «Я увижу их снова только в старости, мне будет по меньшей мере двенадцать. Почему я согласился? Почему повел себя как дурак? Ходить в школу – да это же пустяк. Каждый день видеть Стильсона. И Питера. Ну и что? Питер просто маленький мальчик. Я не боюсь его».

– Хочу домой, – прошептал он.

Таким шепотом он обычно кричал от боли, когда Питер мучил его. Этот шепот никому не был слышен, порой даже самому Эндеру.

И непрошенные слезы могли сколько угодно литься на простыню, ведь всхлипы были настолько слабыми, что даже одеяло не дергалось, настолько тихими, что никого не могли потревожить. Но боль была здесь, стояла комком в горле и пеленой перед глазами, горела в груди, жгла лицо. «Хочу домой!»

Дэп вошел в спальню и тихо заскользил между кроватями, тут поправляя свисающую руку, там касаясь чьего-то лба. Но везде, где он проходил, плач не угасал, а становился сильнее. Одного доброго прикосновения в этом пугающем месте было достаточно, чтобы заставить разрыдаться любого. Но не Эндера. Когда Дэп приблизился, слезы высохли. Такую притворную маску он надевал при родителях, когда Питер был жесток с ним, а он не смел это показать. «Спасибо тебе за это, Питер. За сухие глаза и беззвучный плач. Ты научил меня скрывать свои чувства. Сейчас мне это нужно больше, чем когда бы то ни было».

Здесь была школа. Каждый день занятия. Чтение. Цифры. История. Видеозаписи кровавых сражений в космосе, когда морские пехотинцы размазывали свои внутренности по стенке корабля жукеров. Голографические имитации чистых и бескровных звездных битв, когда корабли просто превращались во вспышки света, а истребители ловко уничтожали друг друга в глубокой тьме. Было чему поучиться. Эндер трудился так же напряженно, как все. Все они впервые в жизни участвовали в некоем бою, и впервые в жизни соперниками были одноклассники, по меньшей мере равные им по интеллекту.

Но жили они ради игр. Ради игр, которые заполняли часы между сном и пробуждением.

Дэп повел всех в игровую комнату на второй день. Она находилась на самом верху, куда выше тех палуб, на которых мальчики жили и учились. Они долго поднимались по лестницам туда, где гравитация была слабее, пока наконец не увидели пещеру с зазывно мерцающими огнями.

Некоторые игры были им известны, в такие они играли дома. Были простые игры и трудные. Эндер сразу прошел мимо двухмерных автоматов и направился к голографическим, туда, где парили в воздухе объекты и играли мальчики постарше. Он оказался единственным залетным в этой части комнаты, и время от времени кто-нибудь из старших пихал его в спину: «А ты что тут делаешь? А ну, ноги в руки и низенько над полом отсюда». И он действительно улетал прочь – тут ведь была очень низкая гравитация, – порой довольно далеко, пока кто-то или что-то не останавливало его полет.

Каждый раз, однако, Эндер возвращался, разве что старался сменить позицию, чтобы посмотреть на игру с другой стороны. Он был слишком мал ростом и не видел клавиш, с помощью которых старшие управляли игрой, но это и не имело значения. Он считывал движения игроков по тому, что происходило в воздухе. Видел, как игравшие роют в темноте световые туннели, как корабли противника ищут эти туннели, а отыскав, идут по ним, чтобы уничтожить врага. Игрок мог ставить ловушки: мины, плавающие бомбы, делать мертвые петли, попадая в которые вражеский корабль бесконечно крутился на месте. Некоторые играли очень хорошо. Другие быстро проигрывали.

Эндеру больше нравилось, когда двое играли друг против друга. Им приходилось пользоваться туннелями друг дружки, и вот тут очень быстро становилось понятно, кто из них чего стоит как стратег.

Через час или около того стало скучновато. К тому времени Эндер уже разобрался в правилах игры, вычислил принципы, которыми руководствовался компьютер, и был уверен, что сможет обыграть кого угодно, главное – освоить клавиатуру. Когда противник ведет себя вот так, уходи в спираль; когда ведет себя этак, делай петлю. Заляг у ловушки и жди. Или расставь семь ловушек и замани туда врага. Ничего сложного – играй себе, пока компьютер не перейдет на такой уровень быстродействия, что человеческие рефлексy за ним просто не успеют. Никакого удовольствия. Ему куда больше хотелось сыграть с другими ребятами. Которые так долго играли с компьютером, что теперь пытаются имитировать его, даже когда играют друг с другом. Думают, как машины, а не как дети.

«Я могу разбить их вот так. А могу вот так».

– Давай сыграем, – предложил он мальчику, который только что выиграл.

– Будь я проклят, это еще что такое? – воскликнул тот. – Жучок или жукер?

– Мы только что приняли на борт груз свежих гномов, – пояснил второй.

– Да, но оно разговаривает! Ты вообще знал, что они умеют разговаривать?

– Понятно, – сказал Эндер. – Боишься, что даже две из трех у меня не выиграешь.

– Выиграть у тебя, – усмехнулся парень, – легче, чем поссать в душе.

– И вполонину не так приятно, – добавил кто-то.

– Меня зовут Эндер Виггин.

– Слушай меня, ты, мелкая рожа. Ты никто. Понял? Никто, въезжаешь? Пока не застрелил своего первого, ты вообще не человек. Дошло?

У сленга больших мальчишек был собственный ритм, и Эндер быстро подхватил его:

- Если я никто, чего боишься? Думаешь, не сделаешь меня в двух из трех?

Теперь уже все остальные начали терять терпение.

- Пришиби этого сосунка по-быстрому, и дело с концом.

Эндер занял место за незнакомой клавиатурой. Его руки были очень малы, но, к счастью, управление оказалось несложным. Чутьочку экспериментов – и он разобрался, какие клавиши каким оружием управляют. Корабль передвигался при помощи стандартного крутящегося во все стороны шара. Сначала у Эндера игра шла туго. Его противник, имени которого он все еще не знал, вырвался вперед. Но Эндер быстро учился и к концу играл уже много лучше.

- Доволен, залетный?

- Две из трех.

- Ага, щас. Мы на это не договаривались.

- Ну да, ты разбил меня в моей первой в жизни партии, – ответил Эндер. – Нашел чем гордиться. Попробуй сделать это еще раз.

Они начали вторую партию, и к ее середине Эндер достаточно разобрался в управлении, чтобы продемонстрировать парочку маневров, с которыми его противник явно никогда раньше не сталкивался. Они совершенно не укладывались в привычную схему боя, и он не знал, что делать. Победа далась Эндеру нелегко, но все же он победил.

Большие мальчишки сразу перестали смеяться и подшучивать. Третья игра прошла в полном молчании. Эндер выиграл быстро и уверенно.

Когда игра закончилась, один из старших сказал:

- Пожалуй, пора заменить эту машину. На ней любой олух выигрывает.

Ни одного поздравления. Только полное молчание, когда Эндер уходил.

Но ушел он недалеко, просто отошел в сторонку и оттуда стал наблюдать, как следующая пара игроков пытается освоить трюки, которые он им только что продемонстрировал. «Олух, значит? – Эндер внутренне усмехнулся. – Они меня не забудут».

Он чувствовал себя превосходно. Он выиграл, выиграл у тех, кто был старше. Наверное, не у самых лучших, но победа сняла близкое к панике ощущение, что он залез не на свою территорию, что Боевая школа слишком тяжела для него. Оказалось, все, что нужно, – это изучить игру, разобраться, как что работает, а потом можно использовать систему. Или даже улучшить ее.

Но именно времени у него и не было. Ожидание могло обойтись слишком дорого. Мальчик, которому он сломал руку, жаждал мести. Его звали Бернард, как вскоре выяснил Эндер, но свое имя он произносил на французский манер, без последней буквы. Французы славились своим стремлением к исключительности и настаивали на том, чтобы их дети изучали стандартный язык только с четырех лет, лишь после того, как усвоят французский. Акцент делал Бернарда интересным и экзотичным, сломанная рука придавала ему ореол мученика, а его садизм притягивал всех любителей чужой боли.

И Эндер стал их врагом.

Его донимали мелочами: пинали его койку всякий раз, когда входили или выходили в дверь, били под локоть, когда он шел с полным подносом в столовой, ставили подножки на лестницах. Эндер быстро научился не оставлять ничего вне шкафчика. А еще он научился оглядываться по сторонам и быть всегда настороже. Однажды Бернард назвал его Раззявой, и на некоторое время эта кличка прилипла, правда потом об этом забыли.

Порой Эндер очень злился. Не на Бернарда, конечно. Злиться на него было глупо и бесполезно, такова уж была его природа – природа палача. Эндера доводило до бешенства то, как охотно большинство подчинялось этому самому палачу. Они ведь знали, что месть Бернарда несправедлива, это же он первым ударил Эндера, а Эндер только отвечал на насилие, но почему-то все вели себя так, как будто не присутствовали при этом. Так или иначе, при первом же взгляде на Бернарда становилось понятно, что он просто гадина. Куда же все смотрели?

Кроме того, Эндер не был его единственной мишенью. Бернард создавал свое королевство.

Со своей окраины Эндер наблюдал, как Бернард выстраивает иерархию. Некоторым ребятам, полезным ему, он беззастенчиво льстил. Другие охотно становились его слугами и выполняли все желания, несмотря на презрительное обращение.

Но некоторым правление этого некоронованного монарха раздражало.

Эндер внимательно наблюдал за всеми, кто не хотел мириться с властью Бернарда. Шен был малорослым, амбициозным и вспыльчивым. Его легко было поддеть. Бернард быстро обнаружил это и прозвал Шена Червяком.

– Это потому, что он такой ма-аленький, – объяснял Бернард, – а еще он все время извивается. Полюбуйтесь, как он виляет задом при ходьбе.

Шен взрывался, но все только громче смеялись.

– Только посмотрите на его зад! Настоящий червяк!

Эндер ничего не сказал Шену, чтобы никто не подумал, будто он, Эндер, пытается создать собственную конкурирующую банду. Он просто сидел в углу со своим компом на коленях и всем своим видом демонстрировал, будто с головой погружен в занятия.

Вот только занятия эти не имели ничего общего с учебой. Он программировал комп так, чтобы тот каждые тридцать секунд посылал некое сообщение. Сообщение адресовалось всем, было кратким, а главное – метким. Главная сложность состояла в том, чтобы скрыть свое авторство. Только послания учителей были анонимными, а на записках мальчиков автоматически проставлялось имя. Эндер пока не взломал систему защиты школы, поэтому учителем прикинуться не мог, но он придумал другой выход из положения: завел в систему дело несуществующего ученика, которого смеха ради окрестил Богом.

И только когда послание было готово, Эндер попытался привлечь внимание Шена. Тот, как и все остальные, наблюдал за весельем Бернарда и его шестерок. Они сейчас передразнивали учителя математики, который имел привычку вдруг обрывать себя на полуслове, останавливаться и оглядываться с таким видом, будто сошел с поезда не на той станции и теперь не знает, где находится.

Наконец Шен огляделся по сторонам. Эндер кивнул ему, улыбнулся и показал на комп. Шен озадаченно пожал плечами. Эндер слегка приподнял свой комп и снова ткнул туда пальцем. Шен потянулся к своему компу. Вот тогда Эндер и отправил послание. Шен сразу увидел его, прочел и громко рассмеялся. Потом посмотрел на Эндера, как бы спрашивая: это ты придумал? Эндер пожал плечами, всем своим видом показывая, что не знает, кто это сделал, но точно не он.

Шен снова засмеялся, и несколько ребят, не связанных с Бернардом и его компанией, тоже достали свои компы. Каждые тридцать секунд послание появлялось на каждом работавшем компе, бодрым маршем пересекало его и исчезало. Теперь уже смеялись многие.

– Чего ржем? – заинтересовался Бернард.

За мгновение до того, как Бернард начал обводить спальню суровым взглядом, Эндер успел стереть улыбку, заменив ее выражением страха, который испытывали сейчас многие из присутствующих. А Шен, конечно, только улыбнулся еще шире. Бернард скривил рот и приказал одному из своих шестерок принести комп. И тоже прочел:

Прикрой свою задницу. Ею интересуется Бернард.

Бог

Бернард покраснел от злости.

– Кто это сделал?! – заорал он.

– Бог, – ответил Шен.

– Сам знаю, что не ты! – рявкнул Бернард. – У того, кто придумал это, куда больше мозгов, чем у какого-то червяка.

Минут через пять послание Эндера исчезло, а немного спустя появилось послание от Бернарда:

Я знаю, что это ты.

Бернард

Эндер не поднял головы. Он вел себя так, словно не получал никакой записки. «Бернард просто хочет поймать меня, хочет, чтобы я себя выдал. Он ничего не знает».

Хотя, конечно, если бы он и знал, ничего бы не изменилось. Бернарду надо восстанавливать репутацию, а значит, он с новой силой примется преследовать Эндера. Бернард не может перенести, чтобы над ним смеялись. Он должен показать, кто здесь главный. И на следующее утро Эндера сшибли с ног в душе. Один из приятелей Бернарда сделал вид, что споткнулся о его ногу, и заехал Эндеру коленом в живот. Эндер принял это безмолвно. Он все еще наблюдал, все еще не хотел открытой войны.

Но в тайной войне, войне компов, он уже подготовил следующую атаку. И когда он вернулся из душа, Бернард в ярости пинал койки и орал на остальных мальчишек:

– Заткнитесь! Я этого не писал!

А по экранам непреклонно маршировало послание:

Мне нравится твоя попка. Позволь мне поцеловать ее.

Бернард

– Я ничего подобного не писал! – орал Бернард.

Шум и крик продолжались уже довольно долго, когда в дверях появился Дэп.

– О чем шумим? – спросил он.

– Кто-то посылает сообщения, используя мое имя. – Бернард был мрачен.

– Какие сообщения?

– Не важно.

– Для меня важно.

Дэп подхватил ближайший комп, принадлежавший мальчику, который занимал койку над койкой Эндера. Прочел, слегка улыбнулся и возвратил комп хозяину.

– Интересно, – сказал он.

– И вы не собираетесь выяснять, кто это сделал? – вспыхнул Бернард.

– А я это и так знаю.

«Да, – подумал Эндер. – Систему слишком легко взломать. Она и рассчитана на то, чтобы ее взламывали, хотя бы частично. Они знают, что это я».

– И кто же? – заорал Бернард.

– Ты кричишь на меня, солдат? – вкрадчиво уточнил Дэп.

И мгновенно настроение в комнате изменилось. Ярость дружков Бернарда и плохо скрываемое злорадство остальных сменились трезвым спокойствием. Власть собиралась говорить.

– Никак нет, сэр, – поджал хвост Бернард.

– Всем известно, что система автоматически вставляет имя автора.

– Но я не писал этого! – вновь завопил Бернард.

– Кричишь? – поднял брови Дэп.

– Вчера кто-то создал послание за подписью Бога, – сообщил Бернард.

– В самом деле? – удивился Дэп. – Я и не знал, что Он подключается к нашей сети.

Дэп повернулся и вышел из захлебывающейся хохотом комнаты.

Попытка Бернарда стать королем провалилась – его покинули все, кроме горстки самых преданных шестерок. И самых жестоких. Поэтому Эндер знал: пока не закончится период выжидания, ему придется туго. Но взлом системы сделал свое дело. Бернард вынужден был держаться в рамках, и теперь все ребята, которые хоть чего-то стоили, вышли из-под его влияния. И – что было лучше всего – Эндер добился этого, не отправляя противника на больничную койку.

Новый способ понравился ему куда больше, и он с чистой совестью занялся следующим важным делом – изобретением системы защиты для собственного компа. Встроенные программы, совершенно очевидно, никуда не годились. Если их мог расколоть шестилетний ребенок, значит их поставили туда как игрушку, а не как настоящее средство защиты. «Еще одна игра, придуманная для нас учителями. Но в эту игру я играю хорошо».

– Как ты сделал это? – спросил его за завтраком Шен.

Эндер про себя отметил, что впервые залетный из его класса сел с ним за один стол.

– Что именно?

– Послал записку под фальшивым именем. И подписался Бернардом! Это было здорово. Его теперь зовут Задоглядом. При учителях – просто Глядящим, но все же знают, куда он глядит.

– Бедный Бернад, – пробормотал Эндер. – Он такой нежный, такой чувствительный.

– Кончай, Эндер. Ты взломал систему. Расскажи, как ты это сделал?

Эндер покачал головой и улыбнулся:

– Спасибо, что считаешь меня таким уж гениальным. Я просто первым заметил то послание, вот и все.

– О'кей. Можешь не объяснять, – согласился Шен. – Но все-таки это было здорово. – Помолчав, он добавил: – Я что, действительно виляю задом, когда хожу?

– Не. Ну разве что совсем немножко, – успокоил его Эндер. – Просто делай шаги покороче, вот и все.

Шен кивнул.

– Но единственным, кто обратил на это внимание, был Бернад.

– Он свинья, – сказал Шен.

– Свиньи в целом вполне даже нормальные, – пожал плечами Эндер.

– Ты прав, – рассмеялся Шен, – я к ним несправедлив.

Эндер засмеялся следом, и еще двое залетных подхватили их смех. Одиночество Эндера подошло к концу. Но война только начиналась.

6. Угощение великана

- В прошлом у нас уже были разочарования. Мы следили за кандидатами годами, надеялись, что они пройдут, и все кончалось крахом. Самое приятное в Эндере то, что он твердо решил отправиться на лед в первые же полгода.

- Да?

- Неужели ты не видишь, что происходит? Из всех возможных умных игр он прилип именно к Угощению Великана. У малыша тяга к самоубийству? Почему ты раньше об этом не сообщал?

- Ну, все когда-нибудь сталкиваются с Великаном.

- Но Эндер никак не может выйти из этой игры. Как Пинюэл.

- Таких, как Пинюэл, много, но это проходит. Тот был единственным, кто на самом деле покончил с собой. И не думаю, что причиной тому было Угощение Великана.

- А я готов голову прозакладывать, что это так. Кроме того, посмотри, что Эндер сделал со своей группой.

- Он не виноват, ты же знаешь.

- Мне все равно. Виноват не виноват - он отравляет всю группу. Они должны были начать спланировать, привязываться друг к другу, а там, где он стоит, провал в миллю шириной.

- Я так или иначе не собирался оставлять его в таком состоянии надолго.

- Что ж, лучше начинай придумывать что-то новое. Эта группа больна, и он источник болезни. Вылечишь его - вылечишь остальных.

- Это я был источником болезни. Я хотел изолировать его, и это сработало.

- Ладно, дай ему время поработать с другими мальчиками. Посмотрим, как он справится.

- Как раз времени у нас и нет.

- Именно потому, что у нас нет времени, мы не будем торопиться с мальчиком, у которого столько же возможностей превратиться в монстра, сколько в военного гения.

- Это приказ?

- Не беспокойся, запись ведется. Она всегда ведется. Твоя задница прикрыта, отправляйся к дьяволу.

- Если это приказ, тогда я...

- Это приказ. Не трогай его, пока не увидим, как он уладил дело в своей группе. Графф, я с тобой язву наживу.

- Не суйся в мою школу, а занимайся своим флотом, и не будет у тебя язвы.

- Флоту нужен боевой командир. Я не могу ничем заниматься, пока у меня нет главнокомандующего.

Они неуклюже влетели в боевую комнату, как малыши, впервые попавшие в глубокий бассейн, и повисли на перилах вдоль стен. Невесомость пугала, дезориентировала. Вскоре они поняли, что, если не двигать ногами, дела идут куда лучше.

Больше всего мешали костюмы. Было очень тяжело делать точные движения. Костюм медленнее сгибался, оказывал больше сопротивления, чем та одежда, которую они обычно носили.

Эндер ухватился за перила и подогнул колени. Он заметил, что, с одной стороны, костюм замедлял движения, а с другой – многократно усиливал их. Начать движение – да, было труднее, чем обычно, но зато, когда мускулы уже переставали действовать, ноги костюма продолжали двигаться в заданном направлении, сохраняя мощную инерцию. Приложи вот столько усилий, и костюм их удвоит. Конечно, этим еще надо научиться пользоваться. Поэтому лучше

пораньше начать.

Все еще держась за перила, он сильно оттолкнулся от стены обеими ногами, неожиданно проделал заднее сальто, ноги пролетели над головой, и он ударился спиной о стену. Удар оказался сильнее, чем он рассчитывал, руки сорвались с перил, и Эндер полетел кувырком через всю боевую комнату.

Несколько бесконечных секунд он надеялся сохранить прежнее ощущение верха и низа, его тело пыталось выпрямиться, принять вертикальное положение в согласии с тяготением, которого не было. А потом он заставил себя думать иначе. Он летел, кувыркаясь, прямо к стене. Значит, стена – это низ. Мгновенно он снова стал хозяином положения. Он вовсе не летел, а падал. Вернее, не падал – нырял. Теперь он мог выбирать, как именно коснется поверхности.

«Я лечу слишком быстро, чтобы зацепиться. Зато могу смягчить удар, если, коснувшись стены, сделаю кувырок вперед. Затем я оттолкнусь под углом...»

Все произошло не совсем так, как он задумал. Эндер сделал кувырок, оттолкнулся, но угол рассчитал неправильно. И у него не было времени сориентироваться – Эндер врезался в соседнюю стену раньше, чем успел сообразить, что происходит. Впрочем, тут ему повезло – совершенно случайно он понял, как при помощи ног можно управлять углом отскока. Прочие мальчики все еще жались к стене. А он возвращался. Он сумел вовремя затормозить, ухватился за перила и повис под совершенно невероятным углом по отношению к остальным. Опять попробовал по-другому посмотреть на свою позицию, изменить угол зрения. Теперь мальчики не висели на стене, а лежали на полу, и их позиция была не более странной, чем его собственная.

– Что ты пытаешься сделать? Покончить с собой? – спросил его Шен.

– Попробуй, – предложил Эндер. – Костюм защищает от травм, а полетом можно управлять, если отталкиваться ногами – вот так.

Он попытался показать изобретенное им движение.

Шен покачал головой: мол, он не самоубийца. Но один из других мальчиков оттолкнулся от стены и полетел – не так быстро, как Эндер, поскольку начал не с заднего сальто, но все же. Эндеру даже не надо было видеть его лицо, он и так

понял, что это Бернард. А вторым сразу же снялся Алай, лучший друг Бернарда.

Эндер следил, как они пересекают огромную комнату. Бернард пытался перевернуться, принять вертикальное положение по отношению к тому, что считал полом. Алай же подчинился движению и готовился оттолкнуться от стены. «Неудивительно, – подумал Эндер, – что Бернард сломал себе руку тогда, в челноке. Он весь сжимается, когда летит. Паникует». Любопытная информация, надо запомнить на будущее.

А вот еще немного полезной информации. Алай и Бернард полетели в разные стороны (Алай нацелился на угол комнаты), и их пути расходились все больше. Бернард неуклюже, с грохотом, врезался в стену и, отлетев, продолжил полет, тогда как Алай легко, по очереди оттолкнулся от трех поверхностей у самого угла и, не потеряв скорости, развернулся, чтобы лететь обратно. Он победно гикнул, и клич повторили все наблюдавшие за ним. Некоторые из мальчишек даже забыли, что ничего не весят, и отпустили перила, чтобы похлопать в ладоши. Теперь они медленно дрейфовали у стены, размахивая руками и пытаясь плыть.

«Так, а вот это проблема, – подумал Эндер. – Что делать, если дрейфуешь в воздухе? Ни от чего ведь не оттолкнешься».

Им завладело искушение тоже отпустить перила и попробовать решить новую задачу методом проб и ошибок. Но он наблюдал за остальными мальчиками, видел их бесплодные попытки исправить свое положение и не мог придумать ничего такого, чего бы они уже не предприняли.

Придерживаясь за пол одной рукой, Эндер задумчиво нащупал игрушечный пистолет, прикрепленный к костюму спереди, чуть ниже плеча, и вспомнил о ручных ракетах, которыми пользовались морские пехотинцы, когда брали на бордаж вражеские космические станции. Он вытащил пистолет из кобуры и осмотрел его. В спальне он уже нажимал на его кнопки, но безуспешно. Возможно, здесь, в боевой комнате, пистолет заработает. Ни инструкции, ни надписей рядом с кнопками не было. Спусковой крючок Эндер обнаружил сразу – у него, как и всех детишек, всегда был игрушечный пистолет. Рядом находились две клавиши, которые легко доставались большим пальцем. И еще несколько кнопок с нижней стороны дула – до них можно было дотянуться только свободной рукой.

Эндер прицелился в пол, нажал на спусковой крючок и почувствовал, как пистолет нагревается. Он убрал палец, и оружие мгновенно остыло. На полу на несколько мгновений образовался маленький кружок света.

Эндер прижал большим пальцем красную клавишу и снова надавил на крючок. То же самое.

Тогда он нажал белую клавишу. Вспышка белого света озарила все вокруг, но пистолет остался совершенно холодным.

Красная клавиша заставляла пистолет работать как лазер (вот только Дэп говорил, что это совсем не лазер), а белая превращала в лампу. Ни то ни другое не поможет при маневрировании.

Итак, все зависит от того, как оттолкнешься от стены, от курса, который задашь в самом начале. Это значит, что при старте или столкновении надо быть предельно осторожным и точным, иначе можно остаться дрейфовать посредине пустоты.

Эндер снова оглядел боевую комнату. Несколько ребят дрейфовали около стен, яростно размахивая руками и пытаясь достать перила. Кто-то налетал друг на друга и весело хохотал; другие взялись за руки и как будто водили хоровод. Лишь очень немногие держались за стены и спокойно наблюдали.

Одним из таких наблюдателей, как заметил Эндер, был Алай, устроившийся на соседней стене неподалеку. Повинуясь импульсу, Эндер оттолкнулся и быстро полетел к нему. Уже в воздухе он сообразил, что понятия не имеет, о чем говорить. Алай был другом Бернарда. Что Эндер может сказать ему?

Но изменить курс было уже невозможно. Поэтому он выпрямился и, глядя прямо перед собой, начал отрабатывать легкие движения рук и ног, которые позволяли ему разворачиваться то в одну сторону, то в другую... И, увлекшись, слишком поздно понял, что взял неверный прицел. Он хотел приземлиться рядом с Алаем, а вместо этого несся прямо на него.

– Эй, хватай мою руку! – крикнул Алай.

Эндер выбросил руку вперед. Алай подхватил его, принимая на себя часть удара, и помог довольно-таки мягко опуститься на стену.

- Здорово получилось, - одобрил Эндер. - Надо бы потренироваться и отработать этот способ.

- Ага, и я про это подумал, да только всех совсем разморило, - ответил Алай. - А что будет, если мы отплывем вместе? Мы, наверное, сможем оттолкнуться друг от друга и полететь в разные стороны.

- Ага.

- Ну?

«Правильно ли будет, если мы сделаем что-нибудь вместе?» Эндер ответил на этот вопрос, взяв Алая за запястье и приготовившись оттолкнуться от стены.

- Готов? - спросил Алай. - Давай.

Поскольку они оттолкнулись с разной силой, то сразу начали вращаться вокруг друг друга. Эндер слегка пошевелил рукой, потом изогнул ногу. Вращение замедлилось. Он повторил движения. Мальчики перестали вращаться и теперь просто дрейфовали.

- Ты мастер выдумывать трюки, Эндер, - заметил Алай, и это была высшая похвала. - Давай разлетаться, пока не врезались вон в ту кучу.

- И встретимся в том углу. - Эндер не хотел, чтобы этот мостик, ведущий во вражеский лагерь, вдруг рухнул.

- Кто последний, тот пердит в молочные бутылки! - выкрикнул Алай.

Они начали маневрировать медленно и осторожно, пока не оказались лицом к лицу - руки широко разведены, колени упираются друг в друга.

- Теперь просто разлетаемся? - спросил Алай.

- Я тоже никогда раньше этого не делал, - ответил Эндер.

Они оттолкнулись друг от друга. Их понесло куда быстрее, чем они ожидали. Эндер на полной скорости врезался в группу мальчишек и остановился совсем не у той стены, у которой рассчитывал. Оглянувшись по сторонам, он быстро сориентировался и отыскал взглядом угол, в котором должен был встретиться с Алаем. Алай уже направлялся туда. Эндер проложил маршрут, который предусматривал два столкновения со стенами, зато позволял обогнуть большую группу из кружащихся в воздухе мальчишек.

Когда Эндер наконец прибыл на место, Алай притворился, будто бы спит, зацепившись руками за смыкавшиеся углом перила.

- Ты выиграл.

- Ну и где твоя коллекция бутылок-перделок? Я хочу ее увидеть, - ухмыльнулся Алай.

- Я храню ее в твоём шкафчике. Ты что, не заметил?

- Я думал, это мои носки.

- Мы больше не носим носков.

- Ну да, точно...

Напоминание о том, что дом теперь так далеко, несколько уменьшило радость от освоенных новых трюков в невесомости.

Эндер достал пистолет и рассказал то, что узнал о двух разноцветных клавишах.

- А что будет, если выстрелить в человека? - спросил Алай.

- Не знаю.

- Попробуем?

- Можем поранить кого-нибудь, - покачал головой Эндер.

- Тогда почему бы нам не пальнуть друг по другу? В ногу или там в руку? Я не Бернард, я никогда не мучил кошек ради удовольствия.

- Хм.

- Вряд ли это так уж опасно, иначе нам бы не дали такие пистолеты.

- Но мы теперь солдаты.

- Выстрели мне в ногу.

- Нет, лучше ты мне.

- Давай вместе.

Они выстрелили одновременно. И тут же Эндер почувствовал, как штанина его костюма становится жесткой в суставах - от колена до щиколотки.

- Ты замерз? - спросил Алай.

- Не нога, а доска.

- А давай еще кого-нибудь заморозим, - предложил Алай. - Начнем нашу первую войну. Мы против них.

Они заулыбались. Потом Эндер предложил:

- Давай позовем Бернарда.

- Кого? - Алай удивленно поднял брови.

- И Шена.

- Этого маленького косоглазого вертижопа?

Эндер решил, что Алай шутит:

- Ну, не всем же быть ниггерами.

- Мой дед убил бы тебя за это, - ухмыльнулся Алай.

- Мой прапрадед продал бы его раньше.

- Ладно. Приглашаем Бернарда и Шена, а всех прочих жуколюбов замораживаем.

Через двадцать минут все присутствовавшие оказались замороженными. Все, кроме Эндера, Бернарда, Шена и Алая. Эти четверо летали по комнате с гиканьем и хохотом, пока не появился Дэп.

- Вижу, вы уже научились пользоваться вашим снаряжением, - сказал он.

Потом Дэп нажал что-то на пульте управления, который держал в руке. Все медленно подплыли к той стене, у которой он висел. Он пролетел между замерзшими мальчиками, касаясь их и размораживая застывшие костюмы. Затем все в один голос принялись вопить, как нечестно было со стороны Бернарда и Алая стрелять по ним без предупреждения, когда они не были готовы.

- А почему вы не были готовы? - поинтересовался Дэп. - У вас было столько же времени, сколько у них. Вы просто валяли дурака, кувыркаясь, как пьяные утки. Все, хватит ныть, мы начинаем.

Эндер отметил про себя, что, по общему мнению, бой выиграли Бернард и Алай. Что ж, прекрасно. Бернард знал, что Эндер и Алай вместе научились пользоваться пистолетами. И стали друзьями. Все прочие могут подумать, что Эндер наконец присоединился к группе Бернарда. Но это было не так. Эндер вошел в новую группу. Группу Алая. И Бернард тоже, сам того не сознавая.

Впрочем, это и не было очевидным: Бернард по-прежнему лез впереди всех и гонял шестерок с поручениями. Но теперь Алай ходил сам по себе и, когда

Бернард взрывался, мог буквально парочкой шуток заставить его выпустить пар. Когда пришло время избирать старосту залетных, Алая избрали почти единогласно. Бернард несколько дней ходил мрачный, но потом снова повеселел, мир был восстановлен, и жизнь вошла в новую колею. Залетные больше не были разделены на приверженцев Бернарда и отщепенцев Эндера. Алай стал мостом между ними.

Эндер сидел на своей койке с компом на коленях. Это было время личных занятий, и он играл в Свободную игру. Эта игра была своего рода бесконечной и абсолютно непредсказуемой – школьный компьютер все время привносил в нее новые элементы, добавлял новые лабиринты и загадки. Можно было долго исследовать понравившийся фрагмент, но стоило оставить его на какое-то время, и он бесследно исчезал, а на его месте возникало что-нибудь другое.

Некоторые приключения были забавными, другие – довольно-таки напряженными, когда требовалось действовать быстро, чтобы остаться в живых. Эндер умирал множество раз, но это нормально, так всегда бывает в играх – тебя часто разделяют на котлеты, пока не освоишься как следует.

На экране появилась фигурка маленького мальчика. Вскоре он превратился в медведя, затем – в большую мышь с длинными тонкими лапками. Мышь пробиралась под бесконечным нагромождением из шкафов, буфетов и прочей мебели. Раньше Эндер выбирал кошку, но это наскучило ему – слишком легко было ускользнуть, да и все закоулки он тут изучил.

«Сегодня я в мышиную норку не полезу, – сказал он себе. – Этот Великан уже достал. Дурацкая игра, в нее никогда не выиграть. Что бы я ни выбрал – все неправильно».

Но он все же нырнул в норку и по маленькому мосту перебрался в сад. Обогнул сторонкой уток и москитов-истребителей. С москитами было скучно, поскольку победить их не представляло никакого труда, а если застрять среди уток, можно было превратиться в рыбу. Эндеру не нравилось быть рыбой, это напоминало ему о боевой комнате, о том, как однажды он плавал там замороженным битый час, до самого конца занятий, пока Дэп не освободил его.

Вскоре он очутился среди покатых холмов. Начались оползни. Раньше он тут все время попадался – превращался в огромную лужу крови, вытекающую из-под груды камней. Но затем Эндер научился избегать оползней, главное – бегать по склонам под углом и держаться как можно выше.

Потом, как всегда, оползни прекратились, теперь склоны усеивали большие обломки скал. Холм вдруг раскололся пополам, и в трещине вместо глины показался белый хлеб – мягкий, душистый, поднимавшийся как на дрожжах. Корка трескалась и опадала большими кусками. Фигурка теперь двигалась медленнее, проваливаясь в поры. Наконец Эндер спрыгнул с буханки и оказался на столе – огромный ломоть хлеба позади, столь же огромный кусок масла сбоку. А прямо – сам Великан. Сидит, положив голову на руки, и смотрит на Эндера. Фигурка Эндера по величине – как расстояние от подбородка до бровей Великана.

– Пожалуй, я откушу тебе голову, – сказал Великан, он это всегда говорил.

На сей раз, вместо того чтобы убежать или, наоборот, остаться на месте, Эндер подвел свою фигурку к самому лицу Великана и пнул его ногой прямо в челюсть.

Великан вывалил громадный язык, и Эндер упал на стол.

– Поиграем в угадайку? – предложил Великан.

Не сработало. Значит, Великан может играть только в угадайку. Дурацкий компьютер. Миллионы возможных сценариев в оперативной памяти, а Великан играет только в одну-единственную тупую игру.

Великан, как обычно, поставил на стол перед ним два гигантских – по колено Эндеру – прозрачных стакана. Которые, тоже как обычно, были наполнены жидкостями разного цвета. Вот тут на компьютер грех было жаловаться – цвета их и консистенция никогда не повторялись, во всяком случае Эндер такого не помнил. Сейчас в одном из стаканов плескались густые сливки. Содержимое второго шипело и дымилось.

– В одном – яд, в другом – нет, – сообщил Великан. – Угадай правильно, и я возьму тебя в Волшебную страну.

Для того чтобы угадать, нужно было засунуть голову в один из стаканов и отхлебнуть. Эндер всегда ошибался. Иногда голова просто растворялась. Иногда его охватывал огонь. Несколько раз он падал в стакан и тонул. Или падал на стол, зеленея и разлагаясь на ходу. Смерть всегда была какой-нибудь отвратительной, и Великан всегда смеялся.

Эндер знал, что все равно умрет, что бы ни выбрал. Это было жульничество, а не игра. После первой смерти его фигурка возникнет на столе Великана, чтобы угадывать снова. После второй его отбросит на холмы, к оползням. Затем – на мостик в саду. Потом – в мышиную норку. А потом, если он снова доберется до Великана и умрет, станет темно, по экрану побежит надпись: «Свободная игра окончена», и он, Эндер, очнется на своей койке, усталый и дрожащий, и еще долго потом не сможет заснуть.

Игра была мошенничеством от начала до конца, но Великан все время твердил про Волшебную страну, про дурацкую сказочную Волшебную страну для трехлеток, страну, где, возможно, живут какие-нибудь не менее дурацкие Матушка Гусыня, Пак-Мэн и Питер Пэн, страну, которая была ему совершенно ни к чему. Он хотел попасть туда только потому, что для этого нужно было победить Великана.

Эндер хлебнул сливок, вздулся и начал подниматься в воздух, как воздушный шарик. Великан смеялся. Эндер снова был мертв.

Он сыграл еще раз, и теперь жидкость затвердела, словно бетон. Голова Эндера так и застряла в стакане, а Великан разрезал его вдоль хребта, очистил от костей, как рыбешку, и начал поедать, не обращая внимания на дергавшиеся руки и ноги.

Эндер ожил среди холмов и решил, что дальше не пойдет. Даже позволил оползням один раз накрыть его. Тем не менее, перейдя в следующую жизнь, он, весь взмокший и дрожащий, принялся карабкаться по холмам, пока те не стали хлебом, и вот наконец он снова стоит на столе Великана, возле прозрачных граненых стаканов.

В них были уже другие жидкости. Одна бурлила, а по поверхности второй гуляли волны, как на море. Он попробовал угадать, какая смерть ждет его в каждом из стаканов. «Наверное, из моря вынырнет рыба и проглотит меня. А в дыму я,

скорее всего, задохнусь. Ненавижу эту игру. Все это нечестно. Глупо. Мерзко».

И вместо того чтобы погрузить лицо в один из стаканов, он опрокинул ударом ноги правый, потом левый, увернулся от кулаков Великана, кричавшего: «Жулик! Обманщик!» – и прыгнул ему прямо на лицо. Вскарabкался по губам, по носу и обеими руками вцепился в глаз. Глаз начал крошиться, как мягкий сыр. Великан кричал, а фигурка Эндера все глубже и глубже зарывалась ему в глаз.

Великан рухнул на спину. Пока он падал, пейзаж изменялся, и, когда огромное тело коснулось земли, вокруг уже поднимались тонкие, будто кружевные, деревья. Из леса вылетела летучая мышь и опустилась на лоб мертвого Великана. Эндер заставил свою фигурку выбраться из глаза.

– Как ты сюда попал? – спросила летучая мышь. – Сюда никогда никто не заходит.

Эндер, конечно, не мог ответить. Он просто наклонился, взял пригоршню того вещества, из которого состоял Великаний глаз, и протянул летучей мыши.

Она взяла и полетела своей дорогой, крича во все горло:

– Добро пожаловать в Волшебную страну!

Он сделал это. Добрался. Теперь пора отправляться в путь. Надо спуститься с лица мертвого Великана и посмотреть, что его ждет впереди, чего именно он добился.

Вместо этого Эндер вышел из игры, выключил комп, сунул его в шкафчик, разделся и с головой залез под одеяло. Он не собирался убивать Великана. Ему хотелось играть, а его поставили перед выбором: либо самому умереть, либо убить другого. Одно достаточно жутко, а другое еще хуже. «Я убийца. Даже играя, я не могу не убивать. Питер бы мною гордился».

7. Саламандра

- Приятно знать, что Эндер способен на невозможное, правда?
- Смерти игрока, то, как они сделаны, всегда вызывало у меня тошноту. А еще я всегда считал, что Угощение Великана – самая извращенная часть всей этой умной игры. Но подумать только, он вырвал у Великана глаз, прямо с головой туда нырнул! И мы собираемся доверить ему командование флотом?
- Главное – он выиграл в игре, в которой победить невозможно.
- Теперь ты переведешь его?
- Мы хотели посмотреть, как он справится с Бернардом. Он справился на отлично.
- Ну да, но, как только он справляется с одной задачей, ты сразу подсовываешь ему другую, еще тяжелее. Ты вообще собираешься дать ему отдохнуть?
- Еще месяца два, а может, и все три он будет со своей группой. Для ребенка три месяца – это очень долго.
- А тебе никогда не приходило в голову, что эти мальчики вовсе не дети? Вспомни, как они действуют, как говорят, они совсем не похожи на своих ровесников на Земле.
- Они просто самые умные дети в мире. Каждый в своей области.
- И что с того? Они разве не должны вести себя как дети? Они не нормальные, все до одного. И ведут себя как какие-нибудь исторические фигуры. Наполеон и Веллингтон, Цезарь и Брут.
- Наша задача – спасти мир, а не исцелять страждущие сердца. В тебе слишком много жалости.
- Генерал Леви не способен на жалость. Так утверждают журналисты. Но пожалуйста, не мучай этого парня.
- Ты что, шутишь?

- Я хотел сказать - не мучай больше необходимого.

За обедом Алай уселся напротив Эндера:

- Я наконец раскусил, как ты послал ту записку. Ну, с именем Бернарда.

- Я? - удивился Эндер.

- Кончай, кто ж еще? Сам Берnard ее не посылал, в этом я уверен. Шен не очень-то ладит со своим компом. И я точно знаю, что это не был я. Кто еще остается? Но не важно. Я понял, как подделать входные данные нового ученика. Просто создаешь парня по имени Берnard-пробел, Б-е-р-н-а-р-д, чтобы компьютер не воспринял это как повтор уже имеющегося имени.

- Может сработать, - согласился Эндер.

- Ну да, ну да. Оно и сработало. Но ты додумался до этого практически в первый же день.

- Да с чего ты взял, что это я? Может, это Дэй решил разыграть Бернарда, чтоб тот не слишком задавался?

- Я выяснил кое-что еще. От твоего имени я ничего послать не могу.

- Правда?

- Если в послании так или иначе упоминается Эндер, тебя сразу выбрасывает из системы. А еще я не сумел забраться в твои файлы. Ты построил свою систему защиты.

- Возможно.

Алай улыбнулся:

– Я тут залез в файлы одного типа и кое-что нахимичил. Этот парень дышал мне в затылок, должен был вот-вот расколоть школьную систему. В общем, мне нужна защита, Эндер. Твоя защита.

– Если я дам ее тебе, ты поймешь, как она работает, и сможешь взломать мои файлы.

– Я? Да ты что? – возмутился Алай. – Я, твой самый близкий друг?!

– Хорошо, я установлю тебе защиту, – рассмеялся Эндер.

– Прямо сейчас?

– Дай хоть доесть.

– Ты никогда не доедаешь.

Чистая правда. После обеда на подносе Эндера всегда что-то оставалось. Он посмотрел на тарелку и решил, что уже сыт:

– Ладно, пошли.

В спальне Эндер присел рядом со своей койкой и сказал:

– Тащи сюда свой комп, я тебе кое-что покажу.

Но когда Алай принес комп, Эндер все еще сидел около закрытого шкафчика.

– Что такое? – спросил Алай.

В ответ Эндер положил руку на сканер. «Код неверен», – выдал шкафчик и не открылся.

– Кто-то потанцевал у тебя на голове, мама, – пропел Алай. – Кто-то съел твое лицо.

- Ты по-прежнему уверен, что тебе нужна моя система защиты?

Эндер встал и отошел от койки.

- Эндер, - позвал Алай.

Тот обернулся. Алай держал в руках маленький листочек бумаги.

- Что это?

- Ты что, не видел? - изумленно уставился на него Алай. - Он лежал на твоей кровати. Наверное, ты на него сел.

Эндер забрал у Алая листок.

ЭНДЕР ВИГГИН ПЕРЕВОДИТСЯ В АРМИЮ САЛАМАНДР. КОМАНДИР - БОНЗО МАДРИД. ПРИКАЗ ВСТУПАЕТ В СИЛУ С НАСТОЯЩЕГО МОМЕНТА. КОД: ЗЕЛЕНый, ЗЕЛЕНый, КОРИЧНЕВый. ЛИЧНОЕ ИМУЩЕСТВО С СОБОЙ НЕ БРАТЬ.

- Ты умный, Эндер. Но в боевой комнате я ничуть не хуже тебя.

Эндер покачал головой. Повышение - самая идиотская вещь, какую он только мог себе представить. Залетных не повышают, пока им не исполнится восемь. А Эндеру еще нет и семи. К тому же ребята из одной группы всегда присоединялись к армиям вместе, в одно и то же время. И все армии одновременно получали свежее пополнение. Но на других кроватях не было никаких приказов о переводе.

И надо же, именно сейчас, когда все наконец начало налаживаться! Бернارد научился жить в мире со всеми, даже с Эндером, а Эндер нашел себе настоящего друга - Алая. Только его жизнь начала налаживаться...

Эндер протянул руку, чтобы поднять Алая с койки.

- Так или иначе, армии Саламандр сильно повезло, - сказал Алай.

Эндера так взбесила несправедливость этого перевода, что на глаза его навернулись слезы. «Я не должен плакать», – велел он себе.

Алай заметил слезы, но был достаточно деликатен, чтобы не показать этого.

– Они гады, Эндер. Даже не разрешают тебе взять с собой личные вещи.

– Может, вообще раздеться и топтать туда нагишом? – улыбнулся Эндер. Он все-таки сумел сдержать свои эмоции.

Алай улыбнулся в ответ:

– Я их понимаю, приятель. Ты лучший из нас. Наверное, они хотят побыстрее научить тебя всему на свете.

– Не думаю, – возразил Эндер. – Единственное, чего мне всегда хотелось, так это иметь друга.

Алай, посерьезнев, кивнул.

– Ты всегда будешь моим другом. Лучшим из моих друзей, – сказал он. А потом улыбнулся. – Давай иди, мочи жукеров.

– Уже бегу, – ухмыльнулся Эндер.

Неожиданно Алай поцеловал Эндера в щеку и прошептал ему на ухо:

– Салам.

Затем покраснел, отвернулся и ушел на свою койку в другом конце спальни. Эндер догадался, что в слове и поцелуе было что-то запретное. Возможно, религия, объявленная вне закона. Или это слово имело некое тайное значение только для самого Алая. Но что бы оно ни означало, Эндер понял: для Алая оно было священным. Этим словом он как бы открылся перед Эндером. Точно так же когда-то поступила мать Эндера – когда он был совсем маленьким, еще до того, как ему на шею посадили монитор. Она тогда думала, что он спит, и, положив

руки ему на голову, начала молиться над ним. Эндер никогда не говорил об этом даже с ней, но бережно хранил это воспоминание о святости, о маме, которая любила его даже в те минуты, когда считала, что никто не видит и не слышит ее. Вот и Алай доверил ему дар, настолько священный, что даже Эндеру не позволялось знать о его значении.

Что можно было сказать после этого? Алай добрался до своей койки и повернулся к Эндеру. На мгновение их глаза понимающе встретились. Потом Эндер вышел.

В этой части корабля не было зелено-зелено-коричневой полоски огоньков – значит, нужно было искать ее в местах общественного сбора. Но обед скоро заканчивался, и Эндеру не хотелось идти к столовой. А вот в игровой комнате сейчас наверняка никого нет.

Ни одна игра не подходила его сегодняшнему настроению. Он прошел в дальний конец пещеры, сел за один из общих компов, загрузил личную игру и быстро попал в Волшебную страну. Теперь Великан был мертв, и Эндеру пришлось осторожно спускаться со стола, перебираться на ножку опрокинутого стула, а оттуда спрыгивать на землю. По пути ему попала стая крыс, объедающих огромное тело, но Эндер заколол одну булавкой, выдернутой из рваной рубашки Великана, и после этого крысы больше не появлялись.

Труп Великана уже почти разложился. Падальщики и стервятники объели все, что можно было объесть, а бактерии вволю потрудились над внутренними органами, и теперь на земле лежала покалеченная и выпотрошенная мумия: зубы, оскаленные в вечной, застывшей улыбке, пустые глазницы, скрюченные пальцы рук. Эндер вспомнил, как обеими руками терзал этот глаз, когда тот еще жил и светился умом и коварством. Сейчас Эндер был настолько раздражен и взбешен, что ему хотелось снова совершить это убийство. Но Великан успел уже стать частью пейзажа, и срывать на нем злость было бесполезно.

Эндер всегда заглядывал в замок Королевы Червей, где было много интересных игр, но ни одна из них не привлекала его сейчас. Он обогнул огромное тело и зашагал вверх по течению ручья к границе леса. Там оказалась детская площадка с горками, решетками, по которым можно было лазить, качелями и каруселями, где весело смеялись, играла дюжина ребятишек. Эндер подошел поближе и вдруг обнаружил, что компьютер превратил его в ребенка, хотя обычно во всех играх главный герой был взрослым. Теперь же он стал меньше

всех детей на площадке.

Он встал в очередь, ведущую к горке. Никто не обращал на него внимания. Эндер вскарабкался на горку, посмотрел, как мальчик, шедший впереди него, съезжает по длинной спирали, потом тоже сел и оттолкнулся.

Эндер не проехал и секунды по блестящей полированной поверхности, как провалился сквозь металлическое покрытие и упал на землю. Эта горка не могла или не хотела удерживать его. И решетки тоже. Какое-то время он мог цепляться за них, но потом одна из перекладин исчезала, и он срывался. На качелях он мог качаться, пока сиденье не взлетало достаточно высоко, а затем тут же падал. Когда карусель набирала скорость, перила растворялись в воздухе и центробежная сила выбрасывала его с круга.

Другие дети тоже издевались над ним. Они смеялись, их смех был жестоким, оскорбительным. Они окружали его и долго тыкали в него пальцами, прежде чем вернуться к своим играм.

Эндер хотел было наброситься на них, пошвырять их всех в ручей, но вместо этого просто развернулся и пошагал в лес. Он отыскал там тропинку, которая вскоре превратилась в старую дорогу, мощенную булыжником. Дорога сильно заросла, но идти по ней было можно. Время от времени по сторонам возникали приглашения войти в ту или иную новую игру, но Эндер не останавливался, так как хотел узнать, куда ведет дорога.

Наконец он вышел на поляну, посередине которой стояли колодец и столб с надписью: «Утоли жажду, путник». Эндер подошел, заглянул в колодец и почти сразу же услышал злобное ворчание. Из леса появилась дюжина кровожадных волков с человеческими лицами. Эндер сразу узнал их – это были те дети с площадки. Только теперь у них выросли длинные острые зубы. Безоружного Эндера мгновенно разорвали на части и съели.

В первый раз он воскрес на том же самом месте, и его снова съели, несмотря на попытку нырнуть в колодец.

В следующее воскрешение его вернули на детскую площадку. И снова дети смеялись над ним. «Да смейтесь сколько хотите, – подумал Эндер. – Я знаю, кто вы на самом деле». Он сбил с ног одну из девочек. Та поднялась и в ярости

бросилась за ним. Эндер заманил ее на горку. Конечно, он провалился, но девочка, уже почти настигшая его, провалилась вместе с ним. Ударившись оземь, она превратилась в волчицу и осталась лежать под лестницей – мертвая или просто оглушенная.

Одного за другим Эндер заводил оборотней в ловушки. Но прежде чем он прикончил последнего, волки вдруг ожили, хотя обратно в детей не превратились. И Эндера снова растерзали.

А еще через мгновение Эндер, весь мокрый от пота и дрожащий, очнулся на столе Великана. «Пора заканчивать эту игру, – подумал он. – Мне ведь еще нужно отыскать свою новую армию».

Вместо этого он слез со стола, обошел кругом тело Великана и направился к игровой площадке.

Теперь, как только его противник ударялся оземь и превращался в волка, Эндер оттаскивал тело к ручью и сталкивал туда. Плоть сразу начинала шипеть и пузыриться так, словно в ручье была кислота, а потом волк бесследно растворялся, поднявшись над ручьем облаком черного дыма. Эндер легко справился со всеми оборотнями, хотя под конец дети гонялись за ним уже по двое и по трое. Затем Эндер вернулся на лесную поляну. Там его никто не поджидал, и он смог спокойно спуститься в колодец по веревке от ведра.

В сумрачной подземной пещере тускло мерцали драгоценные камни. Сокровища лежали повсюду грудями, однако Эндер равнодушно прошел мимо. Уже потом, обернувшись, он заметил, что среди сокровищ блеснули чьи-то глаза. Обильно накрытый стол тоже не привлек его внимания. Он также миновал клетки, свисающие с потолка пещеры, в которых сидели очень странные, но вполне дружелюбные создания. «Поиграю с вами потом», – подумал Эндер. Наконец он подошел к двери, на которой сверкающими изумрудами были выложены слова:

КОНЕЦ СВЕТА.

Эндер не сомневался ни секунды. Открыл дверь и шагнул.

Он стоял на небольшой площадке на самой вершине утеса и смотрел на густой зеленый лес, уже окрашенный отчасти в осенние тона, на проплешины вспаханных полей, на телеги, запряженные волами, на маленькие деревушки, на замок, поднимавшийся вдалеке, на плывущие у самых ног пушистые облака. Небо оказалось сводом пещеры, с которого спускались громадные сталактиты, облепленные драгоценными камнями.

Дверь тихо закрылась за его спиной. Эндер продолжал смотреть вниз. Этот мир был так прекрасен... Эндер даже не думал, какая игра его ждет дальше, выживет он или умрет. Он отыскал этот мир, и прекрасное зрелище было ему наградой. Поэтому, не думая о последствиях, он просто взял и прыгнул с площадки.

Эндер летел вниз, к излучине горной реки, прямо на острые скалы, но белая тучка проскользнула между ним и землей, подхватила его, понесла далеко-далеко, к башне высокого замка, через открытое окно, внутрь, и оставила в комнате, где не было дверей, а окно выходило в глубокую и, безусловно, смертельную пропасть.

Всего минуту назад он легко бросился со скалы, но сейчас засомневался.

Маленький коврик у очага вдруг развернулся и превратился в длинную тонкую змею с острыми зубами.

– Я твой единственный выход, – прошипела змея. – Самый лучший выход – смерть.

Эндер огляделся, пытаясь найти оружие, но тут экран неожиданно потемнел. Вдоль его края замерцали слова:

Немедленно доложите своему командиру.

Вы опаздываете.

Зеленый, зеленый, коричневый.

Кипя от ярости, Эндер выключил комп, отправился к стенке с указателями, нашел там зелено-зелено-коричневую полосу, коснулся ее и последовал за ней. Огоньки зажигались перед ним, указывая дорогу. Темно-зеленый, светло-зеленый и коричневый цвета напомнили ему раннюю осень в королевстве, которое он отыскал во время игры. «Я должен вернуться туда, – сказал он себе. – Эта змея очень длинная. Я смогу по ней спуститься с башни и отыщу свою дорогу. Наверное, это место названо Концом Света, потому что там кончаются все игры. Я смогу прийти в одну из деревень и стать обычным маленьким мальчиком. Буду играть и работать, как все, никого не буду убивать, и меня убивать никто не станет... Я буду просто жить».

Но как это – «просто жить»? Эндер не знал, что это такое. Правда, ему очень хотелось попробовать.

Армия могла включать в себя куда больше, чем одну залетную группу, а потому и армейские спальни отличались огромными размерами. Комната оказалась длинной и узкой. Койки стояли двумя рядами. Спальня тянулась так далеко, что можно было заметить, как в противоположном конце изгибается пол, следующий ободу огромного колеса – комплекса Боевой школы.

Эндер остановился у двери. Несколько ребят, сидевших в проходе, смерили его взглядами, но все они были много старше, а потому не удостоили Эндера вниманием. Они продолжали свою беседу, лежа или облокотясь на койки. Говорили, конечно же, о сражениях – старшие мальчики всегда говорили только о них. Все ребята в комнате были выше Эндера. Десяти- и одиннадцатилетние возвышались над ним, как башни. Тут даже самым младшим было восемь, а Эндер и среди своих сверстников не мог похвастаться ростом.

Он попытался определить, кто здесь командир, но большинство мальчишек были полураздеты. У многих на коленях стояли компы, но занимались лишь несколько человек.

Эндер шагнул в спальню. Вот тут-то его и заметили.

– Чего тебе надо? – требовательно спросил мальчик, лежавший на верхней койке у двери.

В этой комнате он был самым большим – на щеках его уже пробивались клочковатые бакенбарды. Эндер пару раз сталкивался с ним в коридорах.

– Ты не Саламандра.

– Но, похоже, мне суждено ею стать, – ответил Эндер. – Зеленый, зеленый, коричневый, правильно? Меня перевели к вам.

И он показал привратнику листок бумаги. Тот потянулся, чтобы взять его, но Эндер отдернул руку:

– Я должен отдать это лично Бонзе Мадриду.

К разговору присоединился второй парень. Ростом он был поменьше привратника, но все равно куда больше Эндера.

– Не Бонзе, пустая башка, а Бонзо. Это испанское имя. Бонзо Мадрид. Оно не склоняется. Акви носотрос хабламос эспаньол, сеньор Гран Федор.

– Ты, должно быть, Бонзо? – спросил Эндер, на этот раз произнеся имя правильно.

– Не-а. Я просто чертовски талантливая полиглотша. Петра Арканян. Единственная девчонка в армии Саламандр. Правда, яйца у меня побольше будут, чем у кого-либо в этой комнате.

– Мама Петра, она говорит... – пропел один из ребят. – Она говорит, она говорит...

– Говна говорит, говна говорит, говна говорит! – подпел ему другой.

Многие рассмеялись.

– Кстати, между нами, – отозвалась Петра, – если Боевой школе когда-нибудь решат прописать клизму, ее воткнут прямиком в зелено-зелено-коричневое.

Эндер был в отчаянии. И без того все работало против него: маленький, нетренированный, неопытный – он и так будет раздражать новых товарищей своим ранним переводом в армию старших. А теперь, пусть чисто случайно, он подружился с белой вороной армии Саламандр. После этой встречи их имена надолго соединятся в сознании остальных. Вот уж повезло, нечего сказать. Эндер глядел на хохочущие лица, и на мгновение ему показалось, что тела мальчиков покрыты шерстью, а из открытых ртов торчат острые клыки. «Неужели я единственный человек в этом страшном месте? А все остальные только звери, жаждущие разорвать меня?»

Но потом он вспомнил Алая. Нет, конечно. В каждой армии есть хоть один, кого стоит узнать поближе.

Внезапно, хотя команды никто не отдавал, смех оборвался, и в комнате воцарилась тишина. Эндер повернулся к двери. В проходе стоял мальчик, высокий и стройный, с прекрасными черными глазами и четко очерченными губами, как будто говорившими об утонченности натуры. «За этой красотой я пойду куда угодно, – сказала что-то внутри Эндера. – Я хочу видеть мир этими глазами».

– Кто ты? – спокойно спросил мальчик.

– Эндер Виггин, сэр, – ответил Эндер. – Переведен из своей группы в армию Саламандр.

Он протянул приказ.

Мальчик взял бумагу быстрым уверенным движением, не коснувшись руки Эндера.

– Сколько тебе лет? – поинтересовался он.

– Почти семь.

– Я спросил, сколько тебе сейчас, а не сколько почти, – все так же спокойно пояснил командир.

- Мне шесть лет, девять месяцев и двенадцать дней.

- Сколько ты успел прозаниматься в боевой комнате?

- Пару месяцев. Чувствую себя вполне уверенно там.

- Вас обучали боевым маневрам? Ты знаешь, что значит быть частью взвода? Вас обучали совместным действиям?

Эндер ни о чем таком даже не слыхивал. Он покачал головой.

Мадрид оценивающе поглядел на него:

- Ясно. Как ты скоро узнаешь и сам, офицеры, управляющие этой школой, и особенно майор Андерсон, который заведует всей игрой, очень любят всякие розыгрыши. Армия Саламандр только-только начала подниматься из позорного забвения. Из последних двадцати сражений мы выиграли двенадцать. Мы здорово удивили Крыс, а также Скорпионов и Гончих и готовы бороться за место лидера. И конечно, мне тут же подсовывают совершенно бесполезного, нетренированного, безнадежно отсталого и недоразвитого бойца, то есть тебя.

- Он не очень рад знакомству с тобой, - констатировала Петра.

- Заткнись, Арканян, - отрубил Мадрид. - К одному испытанию нам добавляют другое. Но какие бы препятствия ни ставили офицеры на нашем пути, мы все еще...

- ...Саламандры! - в один голос рявкнули солдаты.

И вдруг Эндер взглянул на происходящее совсем с другой стороны, его внимание как будто переключилось. Это своего рода обряд, ритуал. Мадрид вовсе не пытался сделать ему больно. Он просто хотел справиться с неожиданной ситуацией и использовать ее для укрепления своей власти внутри армии.

- Мы огонь, который пожрет их целиком: их внутренности и потроха, сердца и умы. Много языков огня, но один костер.

– Саламандры! – повторился выкрик.

– И даже этот не ослабит нас, – сказал Мадрид.

На мгновение Эндер позволил себе надежду.

– Я буду стараться, я быстро учусь... – начал было он.

– Я не разрешал тебе говорить, – оборвал его Мадрид. – Я обменяю тебя при первом же удобном случае. Скорее всего, в придачу к тебе придется отдать ценного бойца, но, пока ты так мал, ты более чем бесполезен. В сражении от тебя не будет толку, ты будешь заморожен одним из первых. А сейчас в нашей армии каждый замороженный солдат влияет на исход игры. Лично я ничего против тебя не имею, Виггин, но лучше бы тебе набираться опыта за чей-нибудь еще счет.

– Правда, он душка? – спросила Петра.

Мадрид спокойно шагнул к девочке и ударил ее по лицу тыльной стороной ладони. Звук получился негромким – Бонзо коснулся ее только кончиками пальцев, но на щеке вспыхнули мгновенно четыре ярко-красные отметины, и мелкие капельки крови проступили там, где ногти содрали кожу.

– Вот мои распоряжения, Виггин, и, надеюсь, их не придется повторять дважды. В боевой комнате во время тренировок ты будешь держаться в стороне. Разумеется, твое присутствие обязательно, но, поскольку ни к одному из взводов ты не принадлежишь, ты не будешь принимать участия в отработке маневров. Когда нас вызовут на бой, ты быстро оденешься и явишься вместе со всеми к воротам, но пройдешь через них только спустя четыре минуты после начала игры. Удаляться от ворот тебе запрещается. Доставать оружие и стрелять запрещается. И так до конца игры.

Эндер кивнул. Значит, он опять никто и ничто. Остается надеяться, что вышеупомянутый обмен не заставит себя ждать.

А еще он заметил, что Петра не закричала от боли, даже не подняла руку, чтобы коснуться щеки, хотя одна из царапин сильно кровоточила, красная струйка

сбегала по подбородку на шею. И пускай она паршивая овца в этой армии, но, раз Бонзо Мадрид не хочет быть другом, ничто не мешает Эндеру подружиться с Петрой.

Ему указали на койку в дальнем конце спальни. Верхнюю. Лежа на ней, он не видел двери – мешал изгиб потолка. Мальчишки, занимавшие койки рядом с ним, выглядели утомленными и угрюмыми. Отбросы армии Саламандр. Никто из них даже жестом не поприветствовал Эндера.

Эндер положил ладонь на дверь шкафчика – ничего не произошло. Тут он сообразил, что шкафчик вообще не заперт. На дверцах всех четырех отделений были кольца: потяни – и откроется. Теперь он в армии, и своих вещей ему иметь не полагается.

В шкафчике лежала форма. Не бледно-голубая, как у новичков, а темно-зеленый с оранжевой отделкой комбинезон армии Саламандр. И он был явно велик. Но наверное, армейские комбинезоны просто не рассчитаны на шестилеток.

Эндер начал снимать новую форму, когда заметил, что по проходу в его сторону движется Петра Арканян. Он соскользнул с койки на пол, чтобы поприветствовать ее.

– Расслабься, парень, – бросила она. – Я не офицер.

– Ты командуешь взводом, да?

Рядом кто-то хихикнул.

– С чего ты взял это, Виггин?

– Твоя койка у самой двери.

– Просто я лучший стрелок в этой проклятой армии, а еще Бонзо боится, что я устрою революцию, если взводные не будут приглядывать за мной. Как будто с такими парнями можно устроить хоть что-нибудь стоящее. – Она презрительно махнула рукой в сторону мрачных ребят на соседних койках.

«Что она делает? Хочет, чтобы все меня еще больше возненавидели?»

- Ну, хуже меня-то быть трудно, - пожал плечами Эндер, пытаясь убедить своих будущих соседей, что вовсе не разделяет ее презрения.

- Я девчонка, - сказала она, - а ты шестилетний сосунок. У нас так много общего. Почему бы нам не стать друзьями?

- Домашние задания я за тебя делать не стану.

Петра не сразу поняла, что это шутка.

- Ха, - наконец улыбнулась она. - Ну да, ведь вы, залетная мелюзга, учитесь совсем по-другому. Начисто забываешь об этом, когда втягиваешься в армейские дела. Нам преподают историю, стратегию, тактику, все про жукеров и математику - то, что может понадобится, когда мы станем пилотами или командирами кораблей. Скоро сам увидишь.

- Итак, мы друзья. И что я буду с этого иметь? - спросил Эндер, подражая ее нарочито небрежной манере вести разговор.

- Бонзо не даст тебе тренироваться. Он просто прикажет взять в боевую комнату комп и заниматься, пока все остальные будут работать. В каком-то смысле он прав - боится, что необученный сосунок будет раз за разом срывать его маневры, которые он столько отрабатывал. - Она вдруг перескочила на полужаргонную речь: - Бонзо этот - долбаный зануда, слышь?.. Может ссать в тарелку и ни капельки не прольет.

Эндер ухмыльнулся.

- Боевая комната открыта все время. Если хочешь, можем пойти туда, когда будем свободны, и я покажу тебе кое-что из того, чему научилась. Я не лучший солдат в школе, но свое дело знаю и уж точно умею больше, чем ты.

- Если ты не против, - сказал Эндер.

- Начнем завтра утром после завтрака.

- А если комната уже занята? Когда я был среди залетных, мы отправлялись туда как раз после завтрака.

- Не проблема. В школе девять боевых комнат.

- Никогда про это не слышал.

- А у них один вход. Центр Боевой школы - ось нашего колеса - состоит из боевых комнат. Они не вращаются вместе с остальной станцией. Вот поэтому там всегда ноль - я говорю о тяготении. Они просто стоят на месте. Не крутятся, у них нет ни верха, ни низа. Но устроено все так, что дверь каждой боевой комнаты выходит в тот коридор, которым мы пользуемся. Ты заходишь, станция сдвигается, и - опля! - свободная боевая комната к услугам следующего посетителя.

- О-о-о.

- Ну, договорились? Сразу после завтрака.

- Хорошо.

Она двинулась прочь.

- Петра, - окликнул ее Эндер.

Она оглянулась.

- Спасибо.

Петра ничего не ответила. Просто повернулась и зашагала дальше.

Эндер снова взобрался на койку и окончательно стащил комбинезон. Он лежал на кровати голый и возился со своим новым компом, пытаясь выяснить, что сделали учителя с его кодами доступа. Ну конечно, они не стали ничего ломать - просто взяли и стерли всю его систему защиты. Здесь ему ничего не принадлежало - даже файлы в его компе.

Лампы слегка потускнели. Скоро пора спать. А Эндер не знал, где душевая.

– Первая дверь налево, – сказал мальчик, лежавший на соседней койке. – Мы делим душевую с Крысами, Белками и Кондорами.

Эндер поблагодарил и спрыгнул в проход.

– Эй! – окликнул его мальчик. – Нельзя идти так. Вне спальни мы всегда носим форму.

– Даже в туалет?

– Особенно туда. И тебе запрещено разговаривать с ребятами из других армий. Что в уборной, что за едой. Это может сойти с рук только в игровой комнате, ну и, конечно, когда учитель прикажет. Но если Бонзо застучает тебя, ты покойник, понял?

– Спасибо.

– И... да, Бонзо расвирепееет, если увидит, что ты разгуливаешь нагишом перед Петрой.

– Но она сама была раздета, когда я вошел.

– Она делает что хочет. А тебе нельзя. Приказ.

И весьма глупый. Петра пока ничем не отличалась от мальчиков. Дурацкое правило. Оно отделяло Петру от остальных, разделяло армию. Просто бред. Как Бонзо ухитрился возглавить армию, не зная таких простых истин? Алай был бы куда лучшим командиром. Он-то знает, как объединять людей.

«Я тоже знаю, – подумал Эндер. – Когда-нибудь я тоже стану командиром».

Он мыл руки в душевой, когда кто-то заговорил с ним:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Искаженное имя Эндрю, а также существительное, означающее приблизительно «тот, кто заканчивает», «финалист».

Купить: <https://tellnovel.com/orson-skott-kard/igra-endera-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)